

КОНАН И ВИНВА БЕССМЕРТНЫХ

Северо-Япония

Annotation

...и снова Конан-Варвар отправляется в странствия, снова он принимает бой и снова выходит победителем.

«Северо-Запад», 1997, том 37 «Конан и Битва Бессмертных»

Тим Доннел. Змеиный эликсир (повесть), стр. 377-462

- [Тим Доннел](#)
-
-

Тим Доннел

Змеиный Эликсир

(«Северо-Запад», 1997, том 37 «Конан и Битва Бессмертных»)

Город жил своей жизнью, похожей и не похожей на жизнь других городов. Ведь это был Шадизар, черная жемчужина Заморы, город воров и убийц, продажных девок и шарлатанов всех мастей, город торговцев и развращенной знати.

Богатые дома, дворцы и роскошные сады соседствовали с кривыми улочками мастеровых, кварталами воров и скупщиков краденого, грязными харчевнями и постоянными дворами. Все это не могло существовать одно без другого, и невозможно было с уверенностью сказать, кого считать истинными хозяевами города — пресыщенных богачей, надменных купцов, дерзких грабителей или колдунов, в ночной тиши совершивших свои черные дела. Город был живым организмом, все части которого находились в видном равновесии, и, как всякий организм, он имел сердце.

Базар, сердце Шадизара, поражал воображение своим великолепием и пестротой. Здесь продавалось и покупалось все, не было никаких запретов и ограничений — добро и зло теряли свое значение, отступая перед блеском золота. А солнце заливало город щедрым светом, и даже то, что в иной день могло бы показаться отвратительным, невольно радовало глаз...

Юноша, пробивавшийся через базарную толпу, вряд ли смог бы выразить это словами, и даже мысли о красоте бурлящей толпы, старых стен и ослепительного неба не возникали в его мозгу, но молодая радость жизни кипела в крови, сияла в глазах, требовала от тела немедленных и немыслимых подвигов или хотя бы громкого смеха.

Конан — так звали юношу — любил Шадизар, ему были по душе здешние нравы, бесшабашная разгульная жизнь. Опасности, подстерегавшие на каждом шагу, будоражили кровь, — но и он сам был опасен. Высокий, черноволосый, синеглазый, он выделялся в любой толпе спокойной силой и звериной грацией гибкого тела. Изысканные одежды не волновали его: простая туника, кожаные сандалии, широкий ремень — все, что нужно для той жизни, которую он вел. И конечно, самое главное — острый меч и верный кинжал. Остальное — вино, женщины, деньги — он брал от жизни силой и хитростью.

Конал врезался в толпу возбужденных зевак в самом центре базара. Это было излюбленное место городских представлений. Акробаты, жонглеры, борцы, фокусники, пожиратели огня... кого только не увидишь там! Вот и сейчас юноша заулыбался, предвкушая увлекательное зрелище, и еще активнее заработал локтями, протискиваясь поближе.

На небольшой площадке, ощерившись как волчата, дрались два юнца. Уличная драка — любимое развлечение шадизарцев, поэтому их и не пытались разнять, а, наоборот, подзадоривали, глумясь над каждым неудачным броском или выпадом. Неудачникам и недотепам нечего здесь делать — лишь сила, ловкость, хитрость и удачливость ценились в Шадизаре. Мальчишки злобно наскакивали друг на друга, ножи звеня высекали искры...

Вдруг в толпе взвизнула женщина, раздались проклятия, люди поспешно стали расступаться — несколько воинов с мечами в руках прокладывали дорогу богатым носилкам. Четыре дюжих негра несли на плечах легкое сооружение, в котором, возвышаясь над толпой, сидела прекрасная женщина.

Конан обернулся на нее — и внезапно желание, точно огнем, обожгло его. Это было

подобно удару молнии... Он не видел ни зеленого платья с богатой золотой каймой, ни сверкающего убора в волосах — только сладостные линии ее гибкого тела, только манящий взгляд и насмешливую улыбку. Она смотрела прямо на него, не мигая и улыбаясь все так же дерзко и загадочно. Носилки уже скрылись за поворотом, когда Конан пришел в себя. Не раздумывая, схватил за шиворот щеголеватого горожанина.

— Кто эта женщина? Ты знаешь ее?

Тот попытался вырваться, злобно сверкнул на Конана глазами, потом вдруг ехидно ухмыльнулся.

— А ты не знаешь? Да где тебе, оборванцу! Ведь это Деянира! Она не всякому вельможе по карману. Купить ночь ее любви может лишь очень богатый человек. Может, хочешь попробовать? — И он снова ухмыльнулся.

Глупец тут же понял свою ошибку, но было уже поздно: от пинка Конана он перелетел через улицу и врезался в жаровню с мясной похлебкой. Вопль обожженного и смех толпы слились и потонули в шуме базара.

Конан бесцельно побредел между шумных торговых рядов, ни к чему не прицениваясь, ни на что не обращая внимания. Образ женщины с каштановыми волосами, ее лукавый дразнящий взгляд стоял перед глазами. Сейчас он даже не мог вспомнить ее лица, но узнал бы в любой толпе.

Среди женщин его родной Киммерии было много красавиц, черноволосых и голубоглазых. Их любовь была прекрасна, как битва, и пьянила, как вино. Многих женщин встречал Конан, но ни одна из них не взволновала его так, как Деянира — истинная дочь Шадизара, где расы смешивались, даря миру либо грубое уродство, либо совершенную красоту.

Неожиданно раздавшийся рядом тихий смех привел Конана в чувство. Он снова увидел толпу, базар, услышал шум, крики, брань и хохот, и этот тихий смех, раздававшийся, казалось, из-под самых ног.

Опустив глаза, он заметил старика, сидевшего на корточках в нише стены. Чистая одежда из дорогой тонкой материи, сандалии из искусно выделанной кожи с драгоценными застежками, седые волосы, волной лежащие на плечах,— все говорило, что это не простолюдин. Но лицо, гладкое, почти без морщин, приветливое и веселое, было совсем не похоже на спесивые лица богатых торговцев.

Рядом со стариком на блестящем подносе лежало несколько странных плодов — и больше ничего. У других зеленщиков лотки ломились от товара и полные тележки фруктов и овощей стояли неподалеку, а этот старик сидел у своей жалкой горстки плодов и еще смеялся, глядя на Конана сияющими черными глазами:

— Покупай, киммериец! Тебе это скоро понадобится! Можешь мне поверить... — Голос старика, мягкий и глубокий, странным образом располагал и внушал доверие.

— А что это у тебя? И зачем они мне нужны, твои полосатые ягоды?

Ярко-красные, с желтыми полосками плоды и правда были не крупнее слив. Они сморщились, подвялившись на солнце, но старику это нисколько не заботило.

— Слышал про мисахи, киммериец?

— Мисахи? Так это и есть мисахи? Плоды, удесятеряющие силы и заживляющие раны?!

— Да, сынок, и не только это. Кто имеет мисахи, того не коснется никакое предательство. Покупай.

Конан усмехнулся, потряс кошельком, висящим на поясе — там звякнули мелкие монетки, которых не хватило бы и на самый скромный ужин и ночлег. Но старику лишь упрямо покачал головой.

— И все же они тебе скоро понадобятся.

Конан был не прочь еще поговорить со странным торговцем, но тут между ними прописнулся толстый криклиwyй купец, на чем свет честивший нерадивого слугу, тащившегося сзади... Когда они прошли, Конан хотел узнать цену мисахи — но ниша в стене уже была пуста.

Незаметно подкрались сумерки, и вот уже глубокая ночь раскинула над Шадизаром алмазную сетку звезд. Одни прохожие торопились домой, чтобы за тяжелыми засовами и высокими стенами дождаться утра, для других же наступало время настоящей жизни. Ночь была полна шорохов, тихих голосов, приглушенного смеха, из постоянных дворов доносились пьяные выкрики и хриплое пение. Изредка по улицам проходили группы вооруженных людей с факелами — городская стража. Тогдаочные голоса ненадолго затихали, а потом все начиналось с прежней силой.

Конан не спеша шел к постоянному двору. В темноте он видел, как кошка. Факелы, телохранители — роскошь изнеженных богачей, которые, сидя в своих дворцах, не видят в ночи ничего, кроме мрака и опасности.

Ему вдруг захотелось пройти мимо дома Деяниры — ему ничего не стоило узнать у пронырливых мальчишек, где тот находится. Зачем — он не знал и сам. Ему не на что было купить не то что любовь куртизанки, но хотя бы единственный поцелуй... и все же память об этой женщине не давала варвару покоя.

Небольшая круглая площадь, на которую выходили ворота нескольких домов, была совершенно пуста. Конан уже прикидывал, не перебраться ли ему через стену, а там будь что будет. Как вдруг бесшумно отворились ворота — ее ворота! — и на площадь вышли два телохранителя в латах и с факелами. За их спинами пугливо жался богато одетый юнец.

Прислонившись к стене неподалеку от ворот, Конан бросил взгляд на юношу. Так вот кто был с Деянирой этой ночью! Этот сопляк ласкал ее прекрасное тело... Ему она отдавалась сегодня-Дикая страсть молодого животного, не терпящего рядом с собой соперника, переполнила варвара, ярость горячей волной разлилась по телу, напрягла живот, сжала в кулаки руки. Ноги сами напружинились для прыжка, — и вот он уже стоит перед стражниками, обнажив меч и яростно сверкая глазами. Вид разъяренного киммерийца был настолько страшен, что даже видавшие виды стражники в первый момент растерялись. Конану этого оказалось достаточно, чтобы двумя взмахами меча перерубить факелы — и вот они уже с шипением гаснут, отброшенные в сторону...

Маленькая площадь огласилась звуками боя. Хриплые выкрики, звон стали, стоны — все это было привычно, и горожане затаились, думая лишь о своей безопасности.

Но длилось это недолго, И вот уже Конан, тяжело дыша, смотрел на то, что осталось от двоих дюжих стражников — разбросанные обломки доспехов, мечи, изрубленные тела... Его взгляд различил у стены шевельнувшуюся тень. Гнев вспыхнул в нем с новой силой.

Конан подскочил к стене и за плащ выволок на середину площади дрожащую фигуру. Луна, выглянувшая из-за облака, осветила бледным светом молодое, искаженное ужасом и ненавистью лицо, богато изукрашенную одежду. Гнев и презрение смешались в душе варвара. Этот сопляк не стоил того, чтобы марать об него клинок!.. Но внезапно тот, опомнившись, выхватил меч — и бой закипел с новой силой.

Хоть Конан и думал с презрением, что богачи в своих дворцах не имеют понятия о настоящих битвах, теперь ему пришлось убедиться в обратном. Его противник, легкий и гибкий, молниеносно парировал удары, нападал ловко и уверенно, его меч нанес Конану несколько чувствительных царапин. Такой противник внушал уважение, такой бой приносил наслаждение, и Конан, забыв о Деянире, весь отдался битве, ничего другого не видя и не слыша.

Постепенно юноша, более хрупкий и изнеженный, стал уставать, его удары сделались менее точны. И вот последний вскрик — и меч торчит в его груди... Конан выдернул клинок, вытер его

об одежды противника, убрал в ножны и собрался было уносить ноги. Но тут его взгляд упал на богато расшитый кошелек на поясе убитого. Вот и добыча, можно будет повеселиться, ночь еще только началась!.. Неслышными шагами Конан двинулся прочь, держась в тени стен.

На постоялом дворе, как обычно, шла разгульная жизнь. Хозяин только успевал поворачиваться. В воздухе висела плотная завеса дыма, тянувшегося от жаровни, пахло горелым мясом, кислым вином, разгоряченными телами — но никто этого не замечал. Кто играл в кости, кто тянул вино, кто рассказывал о своих похождениях, вызывая взрывы хохота и одобрительные возгласы. Возле самых удачливых уивались девушки — это был их промысел, их работа.

Конан вошел в харчевню и осмотрелся в поисках свободного угла. Несколько приятелей подняли головы от кружек, и, увидев его порванную одежду, запачканную кровью, заулыбались:

— Ого, наш северянин опять угодил в переделку! Ну как, есть добыча?

Конан потряс кошельком, и хозяин немедля бросился расчищать столы, спихивая на пол самых пьяных постояльцев. Киммериец, довольный, опустился на скамью, девушки с двух сторон повисли у него на шее, и гулянка началась с новой силой.

Почти до рассвета гудел постоялый двор. Но вот гуляки расползлись кто куда, зал потихоньку опустел. А Конан все еще сидел, пил вино и вспоминал недавний поединок. Руки еще помнили напряжение схватки, глаза угрожающе щурились... Ничто не доставляло варвару такого наслаждения, как хорошая драка, ощущение опасности и риска!

Вдруг кто-то потянул его сзади за тунику. Ткань прилипла к ране, ощущение было не из приятных, и Конан резко повернулся, чтобы как следует проучить наглеца. Но кулак, занесенный для удара, застыл в воздухе. За спиной у него стоял карлик, ненамного выше половины человеческого роста. Его одежда — туника, сандалии, пояс, на котором висели меч и кинжал — выглядела нелепо на столь несуразном существе... однако смех застрял в горле у Конана, когда он внимательнее разглядел незнакомца.

Квадратное короткое туловище карлика напоминало кряжистый пень. Руки, непомерно длинные, и ноги, слишком короткие для взрослого человека, играли буграми мышц, выдавая огромную силу. Голова сидела прямо на плечах, космы волос непонятного цвета свисали на грудь. Лицо же, крупное, с орлиным носом, твердыми губами, лохматыми бровями над маленькими живыми глазами, было лицом воина и невольно внушало почтение.

— Ты — Конан-киммериец? Меня зовут Зурр-аль-Асар. Мне говорили, ты берешься за самые рискованные дела и всегда выполняешь то, что обещал. Такой человек мне и нужен. Как ты смотришь на то, чтобы провернуть вместе со мной одно дельце? Внакладе не останешься, обещаю.

Конан с сомнением хмыкнул, глядя на коротышку. Что-то насторожило его в речи и манерах незнакомца — но в голове гудело от выпитого, и сосредоточиться на столь смутных ощущениях было трудновато. К тому же он давно сидел на мели, ничего стоящего пока не подворачивалось. Почему бы не послушать, что ему предложат? В конце концов, уже не раз и не два самые интересные приключения начинались для него именно таким образом.

Он плеснул карлику вина из кувшина и пожал могучими плечами.

— Рассказывай.

Все тем же уверенным, не терпящим возражений тоном, что с самого начала так не понравился Конану, тот начал говорить:

— Ты поедешь со мной. Когда будем в горах, я расскажу тебе, что нам предстоит сделать. А пока...

— Постой, постой! — с громовым хохотом перебил его киммериец. — Так твоё дело не в городе? И ты хочешь, чтобы я тащился с тобой невесть куда, в какие-то горы?! Да никакого золота не хватит, чтобы выманить меня из Шади-зара! Здесь у меня есть все, что мне нужно. И

уезжать я никуда не собираюсь.

Коротышка выглядел обескураженным.

— Но ты даже не выслушал меня до конца! Тебя ждет богатая награда. Ты ничего не слышал о сокровищах монастыря...

— Сокровища! — Конан рассмеялся пуще прежнего.— Да у меня здесь каждую ночь свои сокровища! Ты бы лучше...— Он не успел договорить, прислушался... И вдруг схватился за меч и бросился к выступу стены за жаровней.

Несколько до зубов вооруженных стражников ворвались в харчевню, двое встали у двери, никого не выпуская, а один, в сверкающих доспехах, с богато украшенной рукояткой меча, подошел к хозяину и, схватив его за грудки, заорал:

— Ты, гнусная скотина, содержатель воровского притона, говори немедленно, кто сегодня ночью шлялся по городу! Убит сын наместника, и чувствую я, что твои молодцы кое-что знают об этом! — Тут его взгляд упал на стол, за которым только что сидели Конан и карлик, стражник вскрикнул и отшвырнул хозяина. Шагнув в сторону, он схватил богато расшитый кошелек, уже почти пустой.

— Кошелек с гербом наместника! Ты, покрываемый убийц и воров, ответи головой, если не скажешь, кто платил тебе этими деньгами! — И он занес меч над скорчившимся в углу хозяином. Тот дрожащей рукой указал в угол, где прятался Конан. Понимая, что пора уносить ноги, Конан изо всех сил надавил плечом выступающий камень за спиной. Часть стены плавно отодвинулась в сторону, и открылся узкий темный ход. Юноша давно знал о нем, но пользовался им впервые. Вдруг Конан услышал за спиной чье-то хриплое дыхание, схватился за меч — и в эту минуту камень встал на место, оставив их в полной темноте.

— Убери меч, это я, Зурр-аль-Асар! Мне тоже незачем встречаться со стражниками. Пойдем посмотрим, куда ведет эта нора!

В узком коридоре было темно, хоть глаз выколи, но Конан как будто кожей чувствовал, где начинаются ступеньки, где из стены торчат острые камни, где поворачивает лаз. Внезапно пол резко пошел вниз, они почти скатились на маленькую площадку и увидели, что где-то впереди пробивается тусклый свет, вселивший в беглецов надежду, что там может быть отверстие. Подойдя ближе и убедившись, что это и есть выход, правда основательно заросший колючими кустами, Конан раздвинул жесткие ветки и выглянул наружу. Никого. Кругом тишина. Неяркий свет утренней зари освещал овраг, куда горожане сбрасывали мусор. Спустившись по склону, Конан и карлик двинулись вперед, с хрустом давя черепки и увязая в отбросах.

Как раз к оврагу выходили задняя стена и крепкий забор небольшого дома. За стеной слышалось тихое ржание и нетерпеливое постукивание конских копыт.

Конан и карлик, не сговариваясь, поднялись по откосу и осторожно выглянули из-за стены.

— Вот это удача, клянусь Кромом! — Конан толкнул карлика локтем в бок, они переглянулись, без слов понимая друг друга.

Во дворе у коновязи стояли два оседланных коня. Как видно, их хозяевам предстоял долгий путь — к седлам были приторочены большие кожаные фляги с водой, мешки со снедью, шерстяные одеяла. Хозяева могли появиться в любой момент — свежее и прохладное раннее утро — лучшее время для начала пути.

— Я открою ворота, а ты бери лошадей,— сказал карлик.

Конан кивнул, и они легкими тенями перемахнули через стену и спрыгнули во двор. Лошади испуганно зафыркали, но Конан уже стоял рядом, поглаживая их по мордам, заглядывая в глаза, шепча что-то, понятное только ему и лошадям. Это был его дар — умение разговаривать с лошадьми. Он и сам не знал, как это у него получается, но любая лошадь тут жечувствовала в нем хозяина и сразу покорялась.

Карлик тем временем отодвинул засов и неслышно распахнул ворота. Конан отвязал лошадей и медленно повел их на улицу. Казалось, они шли по воздуху — ни один камешек не покатился из-под копыт, ни одна уздечка не звякнула. Отойдя от ворот подальше, Конан и его случайный попутчик вскочили на лошадей и помчались по дороге, ведущей на север, в сторону Кезанкийских гор.

* * *

Замора со своим жарким, засушливым климатом давно бы превратилась в мертвую пустыню, если бы не многочисленные речки и ручьи, текущие с гор, обступавших ее с двух сторон, не питали своей живительной влагой жаждущие земли долины. Поэтому голые, каменистые участки, растрескавшиеся от зноя, неожиданно сменялись зелеными пастбищами и рощицами невысоких деревьев. Там, где земля орошалась речками и ручьями, она в изобилии одаривал людей своими плодами. Заросли орешника, всевозможные ягодные кустарники, плодоносящие деревья и сочные пастбища окружали поселения заморийцев.

Кое-где на холмах росли огромные деревья, настоящие великаны. Видные издалека, они манили густолиственной кроной и прохладной тенью. Под таким вот деревом и отдыхали Конан и его спутник. Лошади, освобожденные от поклажи, пощипывали траву, тихонько позывая удилами.

— Теперь мне нельзя показываться в Шадизаре, пока все не уляжется, — сказал Конан. — Так что давай рассказывай про свою историю.

Киммериец лежал на траве, дожевывая лепешку, глядя вверх на причудливое сплетение веток, в которых пересвистывались птицы. Он не заметил, каким странным, тяжелым взглядом посмотрел на него Зурр-аль-Асар, как маска прямодушия сменилась коварной улыбкой, исказившей его лицо. Но тут же, как облако, меняющее на глазах свои очертания, лицо его вновь обрело прежнее выражение, глаза опять смотрели спокойно и дружески.

— Знай, Конан, что я — единственный, кому известна тайна сокровищ монастыря Шрипур-Аим. Этот монастырь находится в Кезанкийских горах. Ему уже не одна тысяча лет, он хранит страшные тайны неведомых божеств и несметные богатства. Монахи оставляли у себя всякого, кто приближался к монастырю, поэтому дороги туда не знает никто. Только я. Мне удалось бежать, и я стал свидетелем гибели монастыря и всех его монахов. Я — искусный охотник, и монахи посыпали меня добывать дичь. Они думали, что я никуда не сбегу, ведь они опаивали всех пленников дурманящим соком ситтха и после этого уверяли несчастных, что те всю жизнь живут в монастыре и что другого мира не существует. Но я-то знаю ситтх! Его запах ни с чем не спутаешь. Я выпил питье на землю и притворился, что и в самом деле все забыл. Делал, что мне приказывали коварные отшельники, и осматривался вокруг. Монахи не таились от пленников, поскольку они были послушны и безопасны, как овцы. И вот я решил бежать. Спрятал в камнях неподалеку флягу с водой и вяленое мясо и стал ждать своего часа. Когда меня послали на охоту, я отошел от монастыря, а потом потихоньку вернулся за своими припасами. И вдруг началось такое, от чего волосы мои встали дыбом, во рту пересохло, руки и ноги онемели.

Из огромного колодца перед главной пещерой, возле которой монахи совершили жертвоприношения, вдруг забил фонтан огня, полетели вверх камни, поползла через край смрадная черная pena. Над огнем и пеной поднялись две ослепительно красные змеиные головы, а затем на землю через колодезный сруб заскользили их безобразно-толстые огненные тела.

Открытые пасти тварей зияли чернотой, глаза излучали нестерпимый белый свет. Монахи, стоявшие рядом, тут же превратились в угли, остальные бросились в пещеры.

Удавы стали медленно заползать в пещеры — а они расположены там в несколько ярусов, — и скоро последний крик замер наверху. Повисла зловещая тишина. Только трещали горящие кусты вокруг колодца. Почувствовав, что руки и ноги мои могут шевелиться, я схватил свои припасы и на четвереньках пополз прочь от проклятого места. Как я добрался до города — долго рассказывать. Но окрестности монастыря я изучил хорошо и дорогу найду легко. Мне нужен товарищ, чтобы добыть сокровища. Ведь победить удавов можно только вдвоем. Они погибнут, если отрубить им головы одновременно. Мне кажется, ты — именно тот, кому, как и мне, это по силам.

Багровое вечернее солнце скрылось за холмами, и почти сразу же стемнело. Дневная жара сменилась приятной прохладой, но Конан и его спутник знали, что к утру станет холодно и выпадет ледяная роса. Завернувшись поплотнее в одеяла, доставшиеся им вместе с лошадьми, и положив рядом мечи, Конан и Зурр-аль-Асар уснули.

Конан проснулся внезапно, полагая, что уже утро. Но темнота и мертвая тишина говорили, что до рассвета еще далеко. Привыкнув доверять своим чувствам и ощущениям, он прислушался, стараясь понять причину беспокойства. Так и есть — вот он, этот звук, похожий на скрип, доносящийся откуда-то сверху, из ветвей дерева. Как будто кто-то хрипло жалуется, постанывая от боли.

Пристально всмотревшись, Конан различил на одной из нижних ветвей крупную птицу. Она беспокойно переступала лапами, помахивала крыльями и издавала эти жалобные, напоминающие легкий скрежет звуки. Немного погодя птица замолчала, неслышно скользнула вниз, расправила крылья и улетела.

— Тыфу ты, да это ворон! Никогда не думал, что он может так скрипеть.

Конан глянул на карлика, но тот спал как убитый.

— Тоже мне, охотник, такого любой зверь во сне задерет. Посмотрим, однако, каков он будет в деле.

Подвинув поближе меч, Конан прислонился к стволу, закутался в одеяло и задремал.

Утро еще только разгоралось на востоке неярким светом зари, а путники уже были на ногах, приторачивая к седлам фляги и одеяла. Отдохнувшие кони пританцовывали на месте, словно изъявляя желание скорее помчаться вперед. Всадники разделяли их нетерпение. И вот уже пыль клубится из-под копыт, необъятная даль зовет и манит, прошлого не существует, есть только этот миг бешеной скачки!

Дорога, еще недавно окаймленная кустарниками, запетляла вдруг вдоль русла давно пересохшей реки. Деревья, когда-то густо зеленевшие, стыдливо прикрывали свои голые стволы редкими засохшими ветвями, напоминая, что все в жизни меняется, все имеет начало и конец. Жара давала о себе знать, лошади уже не рвались вперед, как утром, и путники ехали шагом, негромко переговариваясь.

Зурр-аль-Асар был лишь чуть постарше Конана, но тоже успел повидать всякого и много где побывал. Рассказы о разных городах, о всевозможных приключениях и стычках сыпались из него как из рога изобилия. Конану не хотелось отставать, и он тоже вспомнил кое-какие из своих похождений. Они провели в разговорах целый день, но киммериец так и не понял, откуда его спутник родом и какая нелегкая занесла его в Кезанкийские горы.

Ближе к вечеру местность оживилась островками зеленою травы, низкими кустиками и даже весьма живописными рощами. Дорога резко повернула вправо, и вскоре взору путников открылась зеленая равнина с пасущимися на ней овцами. Вдали виднелись сады и крыши домов.

Кони, почувствовав близкий отдых, заржали и пошли рысцой, но всадники, привыкшие к

осторожности и готовые к любым неожиданностям, продолжали внимательно всматриваться в придорожные заросли, не зная, как их тут могут встретить.

Жители деревень, боясь разбойников, которых в Заморе было немало, нередко выставляли вооруженную стражу. Охраняли деревню все мужчины по очереди.

Вдруг из кустов навстречу путникам вышли четверо мужчин и два подростка, в кольчугах, вооруженные мечами, луками и кинжалами. Конан, отлично разбирающийся в оружии, сразу отметил необычный изгиб и богатую отделку луков. Кольчуги при первом же взгляде на них поражали тонкостью работы и густотой колец.

Старший из мужчин, седой могучий воин с суровым лицом, подошел ближе и спросил:

— Кто вы, путники, и что вам здесь нужно?

— Наш путь лежит далеко, лошади очень устали, и мы хотели найти ночлег в вашей деревне. К тому же вода и припасы тоже кончаются.

Воин внимательно посмотрел в глаза Конану, потом перевел взгляд на карлика, на запыленных, измученных лошадей и сказал:

— Поезжайте вон к тому дому, где у ворот растет большое дерево,— там вас устроят на ночлег.

Конан и Зурр-аль-Асар тихонько тронули поводья. Следом за ними пошел седой стражник, а остальные исчезли в кустах.

Деревня оказалась довольно большой, с площадью посередине и несколькими улочками, застроенными домами из необтесанного камня. Перед одним из домов стражник остановился и, открыв ворота и войдя во двор, что-то крикнул. Тут же выбежала немолодая женщина, за ней — двое мальчишек. Всадники спешились, мальчишки взяли коней, привязали их в углу двора, а сами схватили кожаные ведра и побежали за ворота.

— Входите, путники, отдохните, сейчас хозяйка вас накормит,— сказал воин, снял пояс с мечом и кинжалом, положил его на лавку.

Конан и карлик последовали его примеру.

— Это мой дом, и сегодня вы — мои гости.

Хозяин стал их расспрашивать, откуда они и куда едут. Конан не успел даже рта раскрыть, а Зурр-аль-Асар уже начал плести всякие небылицы, да так складно, что киммерийцу и самому было впору в них поверить. Варвар тоже был мастак приврать и нередко пользовался этим, но такого проходу встречал впервые. Он как-то по-новому взглянул на своего дорожного товарища, всем нутром почувствовав, что особо доверять ему нельзя. Судьба случайно свела их, направила по одной дороге, но ухо с ним надо держать востро.

Между тем хозяин, выслушав байки Зурр-аль-Асара, стал рассказывать о себе и своей деревне. Конан, занятый обильным угощением, не особенно вслушивался в его речь, но вдруг краем уха уловил, что в деревне живет искусный оружейник, и насторожился.

— И вот завтра его дочь выходит замуж, — неторопливо повествовал хозяин.— Но для нас каждая свадьба чревата горем. Хоть совсем не выдавай девушек замуж. Уже несколько лет, как здесь объявился оборотень — огромный медный волк. Он появляется на свадьбах и утаскивает невест. И никто их потом не может найти. Поначалу наш деревенский колдун отваживал волка своими заклинаниями, но он, к сожалению, постарел, и его колдовство стало терять силу. Тогда он ушел из деревни — колдун всегда уходит, когда силы его идут на убыль,— и его место занял старший сын. Обычно ему удается отогнать оборотня, но иногда его волшебство оказывается бессильно. И вот завтра самая красивая девушка нашей деревни, Юста, дочь оружейника, выходит замуж за сына вдовы Арги. Уже целую неделю колдун ходит в лес и приносит жертвы в тайном месте, где собираются духи наших предков. Завтра он совершил главное колдовство, и оборотень либо не появится, либо унесет невесту...

Хозяйка, сидя на лавке и слушая рассказ своего мужа, сокрущенно кивала, и слезы текли по ее морщинистым щекам. Мальчишки перешептывались в углу и угрожающе размахивали кулаками, как бы отгоняя страшного зверя.

Время было уже позднее, и путников отвели на ночлег. В небольшой комнатушке, где им предстояло провести ночь, на полу лежали охапки сена и несколько бараньих шкур. Этого было более чем достаточно, чтобы хорошо отдохнуть. Кони, напоенные и накормленные, стояли во дворе под навесом, в маленько оконце заглядывала луна. Колдуны и оборотни не очень пугали Конана, спутник его тоже, по-видимому, не думал об этом. Положив мечи рядом с собой, они завернулись в шкуры и провалились в глубокий сон.

Утром их разбудило звяканье колокольчиков и блеяние коз. Мальчишки, сыновья хозяина, выгоняли животных за ворота, негромко переговариваясь. Кони под навесом нетерпеливо постукивали копытами, где-то невдалеке перекликались женщины, лаяли собаки. Начинался обычный день.

Волк-оборотень — это было первое, что вспомнил Конан, окончательно проснувшись. Он как живой стоял перед глазами, ощерив клыки и вздыбив на загривке красноватую шерсть. Конан тоже почувствовал себя зверем, ему показалось, что и у него на загривке шерсть всталла дыбом. Предвкушение схватки было таким острым, что он невольно засмеялся. Карлик приподнялся на локте, удивленно посмотрел на него:

— Ты чего? Красотку во сне видел или мешок с золотом?

— Ни то, ни другое. Решил погулять на свадьбе. Торопиться некуда, а невеста, говорят, красавица. Надо посмотреть, какие тут девушки.

Зурр-аль-Асар покачал головой, потом улыбнулся и сказал:

— Верно, спешить нам некуда. И свадьбы не каждый день бывают, да еще с оборотнями!

Теперь уже смеялись оба, предвкушая опасность и веселье.

Хозяин явно обрадовался, узнав, что гости хотят остаться на свадьбу.

Люди в деревне готовились к празднику невесело, заранее не ожидая от него ничего хорошего. Перед домом жениха стояли накрытые столы. Нарядные девушки шли по одной стороне улицы, юноши — по другой. Пожилые женщины пели тягучие свадебные песни, мужчины наигрывали на свирелях и дудках нехитрые мелодии. Жених и невеста, держась за руки, печально прошествовали вдоль всей деревни и остановились перед белоголовым старцем, склонив головы. Старец положил свои ладони поверх их соединенных рук, негромко проговорил заклинание, после которого они считались мужем и женой, и отошел в сторону. Все это время люди тревожно поглядывали на дальний конец деревни.

И вот на дороге показался человек, одетый в ветхую, клочьями висевшую одежду. На каждом клочке болтался блестящий железный шарик. Звук тихонько постукивавших друг о друга шариков был хорошо слышен в наступившей тишине. Лицо странного человека скрывали пряди волос с вплетенными в них кусочками кожи, разноцветными лоскутками и перьями. Это был деревенский колдун. В одной руке он нес кувшин, в другой — палку. Бормоча и пританцовывая, он подошел к молодым, схватил невесту за руку и вытащил ее на середину улицы.

Конан только теперь смог ее хорошо отдохнуть рассмотреть. Нежное смуглое лицо, волнистые черные волосы, выбившиеся из-под свадебного убора, красиво очерченный рот, похожий на яркий цветок, и напряженные, но совсем не испуганные глаза.

Колдун, не переставая бормотать, обошел невесту кругом, поливая землю из кувшина — девушка оказалась в круге, очерченном разлитой жидкостью, красной, как кровь. Потом он ударил палкой по кувшину, и черепки разлетелись во все стороны, а сам колдун завертелся перед невестой, завывая и выкрикивая заклинания. Так, вертаясь и вскрикивая, он скрылся за поворотом.

Все невольно перевели дух. Даже Конан заметил, что весь обряд простоял почти не дыша.

— О всемогущий Кром, ну и дела! — наконец с облегчением произнес он. — Ну уж теперь-то, я думаю, можно будет вволю повеселиться?

Не успел он договорить, как раздался истошный визг, вой собак, и из-за поворота дороги, ведущей к лесу, выскочил огромный волк. Его красно-бурая шерсть стояла дыбом. Оскаленные клыки и огромные когти сверкали как ножи — и немудрено, ведь они были стальными. Глаза горели нестерпимо-желтым светом, а из пасти вырывался ужасающий рев, от которого кровь леденела в жилах.

Жених, только что взявший за руку невесту, и невеста, поднявшая на него глаза, словно окаменели. И никто в толпе не шевелился — ни женщины, зажавшие от ужаса рты руками, ни мужчины, с луками наготове. Всех как будто держала в плену злая колдовская сила. Только Конан чувствовал, что не окаменел, хотя руки были очень тяжелыми, а ноги никак не хотели отрываться от земли.

Но ощущение поединка, испытанное им утром, взорвалось в нем вспышкой слепой ярости, он испустил рык, не менее страшный, чем рев волка, выхватил меч и бросился на зверя. За спиной его раздался крик, такой же дикий, как и его собственный, и киммериец догадался, что это Зурр-аль-Асар тоже пришел в себя.

Волк повернулся огромную оскаленную пасть в их сторону, клыки ощерились еще больше, на землю закапала пена. Но мечи, вонзившиеся в него с двух сторон, заставили его взвыть. Бешено завертеvшись в попытке ухватить зубами смертоносную сталь, волк вдруг на глазах стал меняться, и несколько мгновений спустя на земле лежал колдун с мечами, торчащими в груди и боку, а вместо рук и ног у него были волчьи лапы с железными когтями.

Стон ужаса прошел по толпе, люди медленно придвигались поближе, чтобы рассмотреть чудовище, мучившее их столько лет.

Колдун, вредящий не врагам, а своей собственной деревне, должен быть уничтожен вместе со всей семьей. Таков закон. И вот уже мужчины, вооруженные луками и мечами, побежали к его дому, выволокли оттуда дряхлую старуху и тощего мальчишку и потащили в лес. Остальные воины, с опаской подойдя к колдуну и убедившись, что он мертв — Конан на всякий случай еще пару раз проткнул его мечом и отрубил лапы, — завернули то, что осталось от оборотня, в шкуры, и углубились в лес. Через некоторое время вдалеке поднялся густой столб дыма.

Люди, забыв о свадьбе, потихоньку расходились по домам. Кушанья так и остались нетронутыми. Только жених и невеста, взявшись за руки, улыбались друг другу.

Вечером в дом, где остановился Конан с товарищем, набилось порядочно народу. Все старались хоть чем-то их отблагодарить за столь долгожданное избавление, и дом просто завалили флягами с вином, свежими лепешками, козьим сыром. Припасов хватило бы на целый отряд, но это никого не смущало — гости сами возьмут сколько им нужно.

Конан и Зурр-аль-Асар с восторгом рассматривали луки удивительной работы и легкие острые стрелы — подарок отца невесты. Кольчуги из мелких стальных чешуек уже были надеты поверх рубашек из тонкого полотна, как будто недавним избавителям снова предстояла нелегкая битва. Но ожидал их не бой, а настоящий свадебный пир, пир до утра.

* * *

Сразу за деревней дорога (или то, что можно было назвать дорогой) кончилась, перейдя в

узкую тропу, которая тоже вскоре заглохла. Кругом расстилалась равнина, сплошь усыпанная валунами и галькой. Впереди неясно маячили холмы. Кони осторожно пробирались между камнями, копыта с трудом находили надежную опору. Всадникам пришлось идти пешком, ведя коней в поводу.

Направление оба чувствовали безошибочно, поэтому у них и мысли не возникало, что они могут заблудиться. Человек, являвшийся частицей этой дикой природы, не избалованный и не изнеженный городской жизнью, мог быть уверен, что всегда без проводников попадет в нужное ему место. Чуть раньше или чуть позже — это уже не имело значения. Время, не разделенное на часы и минуты, было послушно людям, не убегало, а текло медленной, спокойной рекой.

Уже три дня двигались путники по суровой каменистой местности. Если бы не попадавшиеся кое-где клочки чахлой травы и невесть откуда взявшимися жалкие ручейки, им бы пришлось совсем туда. К концу третьего дня кони, совсем выбившиеся из сил, вдруг зафыркали, прибавили шагу, и вскоре Конан разглядел на горизонте узкую зеленую полоску.

— Смотри, Зурр, похоже, там река. О всемогущий Кром, как вовремя! Я уж думал, мы останемся без лошадей.

Карлик поднял голову, всматриваясь в даль, колеблющуюся от зноя, радостно гикнул, дав шпоры коню, и вот уже, не разбирая дороги, всадники во весь опор несутся вперед, окрыленные надеждой обрести наконец отдых и прохладу.

Река оказалась быстрой и неглубокой. Ледяная вода обжигала разгоряченные тела, но Конан и Зурр-аль-Асар как мальчишки плескались между камнями, хохоча и подпрыгивая.

Вдруг карлик стремительно выскочил на берег, подбежал к снаряжению, сложенному под деревом, быстро что-то схватил и тут же вернулся обратно. Когда Конан увидел, что он несет стрелу, ему все стало ясно. Вскоре крупная рыбина отчаянно билась в руках Зурр-аль-Асара. Конан тоже вооружился стрелой и пошел вверх по течению. За поворотом реки, на совсем мелком месте, ему удалось пронзить стрелой трех рыбин. У его спутника улов оказался не хуже. Пора было подумать об ужине.

Сложив из камней небольшой очаг, они пошли за хворостом. Надо было спешить, солнце уже стояло совсем низко, еще немного — и совсем стемнеет. Углубившись в заросли, Конан нашел засохшее дерево и стал с треском обламывать ветки, помогая себе кинжалом. Куча хвороста быстро росла, и он подумал, не пора ли остановиться. Вдруг за спиной киммерийца раздалось громкое хлопанье крыльев, и какая-то большая птица пролетела мимо, чуть не задев его крылом. Проследив за ней глазами, Конан вдруг вскрикнул, бросил хворост и подбежал к кусту, росшему совсем рядом, в нескольких шагах от сухого дерева. На тоненьких ветках с узкими голубовато-серыми листьями он увидел ягоды — красные в желтую полоску. Ягод было всего несколько штук, и Конан, не раздумывая, быстро сорвал их и сунул в пустой кошелек, сиротливо болтавшийся на поясе. Теперь он был сказочно богат и силен.

Собрав хворост в охапку, он шел и думал, сказать ли о находке Зурр-аль-Асару. И решил, что не стоит.

Костер быстро прогорел, под углями пеклась рыба. Конан лежал, слушал, как играет река, и вспоминал Деяниру. Пройдет время, и шум в городе уляжется. Что будет дальше, он придумать не успел: рыба испеклась. Достав ее прутьями из-под углей, они жадно принялись за еду. Запив рыбой остатками вина из фляги, Конан спросил Зурр-аль-Асара:

— А что там, за рекой? Ты говорил, что знаешь дорогу. Есть там какие-нибудь селения или замки?

— Нет, люди нам здесь больше не встретятся. Разве что путники вроде нас с тобой или какой-нибудь отшельник. Хотя вряд ли. Впрочем, сам я не видел, но слышал истории о замке Танцующих Дев — он как раз где-то в этих местах. Поэтому странники обходят эти леса

стороной.

— А что это за Танцующие Девы? Опять колдовство?

— Мне рассказывали, что они заманивают путников в замок, а потом колдовскими чарами заставляют танцевать до смерти. Больше я ничего не знаю. Но это самый короткий путь, и идет он вдоль реки. Мы вдвоем, и мы сильны. Неужели какие-то колдуны вынудят нас идти в обход?

— Как бы не так! Да я лучше с дюжиной колдунов станцу, чем опять тащиться по камням. Еще немного — и от моих сандалий останутся одни ремешки. Ладно, давай спать, может, это еще и враки.

Угли вспыхнули раз-другой и погасли. Ночь опустилась на землю. Все стихло, только река, занятая своим вечным делом, шумела, перекатывая камни.

Утро, сверкая солнечными бликами на траве и прибрежных камнях, обещало ясный день. Пробираясь вдоль реки среди деревьев, путники не чувствовали той обжигающей жары, которая изнуряла их вчера. Но к вечеру, когда они выехали на открытые луга, погода вдруг изменилась. Подул резкий ветер; облака, незаметно подкрадывавшиеся целый день, сбились в плотную кучу; за их спиной уже сверкали молнии.

Путники понимали, что скоро их настигнет гроза, и гроза нешуточная. Требовалось срочно искать укрытие, но, кроме кустов и невысоких деревьев, поблизости ничего не было. Конан и Зурр-аль-Асар погнали испуганных коней вперед, прочь от настигающей их тучи, надеясь, что случай пошлет им удачу. И правда, вскоре они увидели какие-то развалины, заросшие травой и кустарником. Похоже, это был разрушенный замок, такой старый, что камни кое-где уже рассыпались в пыль. Но здесь можно было укрыться от грозы.

Найдя подходящий закуток, судя по всему, угол полуразрушенного зала, где чудом сохранившаяся крыша могла защитить их от дождя, они привязали коней и, опустившись на землю, стали выглядывать наружу, в дыры между камнями. Когда-то это были окна, но безжалостное время, не вынося ничего вечного, основательно здесь поработало. Все утратило свои привычные очертания, и развалины замка казались уже частью дикой природы, а не делом человеческих рук.

Ослепительно вспыхнула молния. Последовавший за ней удар грома заставил землю содрогнуться. И тут же хлынул ливень, плотной стеной отгородив путников от остального мира. Кони испуганно шарахались в угол, и Конану пришлось их успокаивать, чтобы они не оборвали поводья. Раскаты грома постепенно становились глушее, молнии сверкали уже где-то вдалеке, и только ливень по-прежнему неукротимо хлестал по ветхим стенам да швырял в окно фонтаны брызг.

Зурр-аль-Асар снял с лошадей поклажу, разложил одеяла:

— Ну вот, здесь и заночуем. Земля сухая, над головой крыша — прямо дворец!

Конан промолчал, но тоже стал готовиться к ночлегу. Сейчас, когда гром тихо урчал вдали, как обиженный пес, а снаружи мирно шумел дождь, киммериец наконец осмотрелся как следует. То, что он увидел, ему совсем не понравилось, но деться все равно было некуда. Стены, обветшальные и потрескавшиеся, кое-где сохранили остатки росписи — и везде это были легкие фигурки танцующих девушек с гирляндами цветов.

Стоя спиной к Зурр-аль-Асару и разглядывая рисунки, Конан бессознательно потянулся к кинжалу. Но рука его наткнулась на кошелек, набитый плодами мисахи. Не раздумывая, Конан вытащил одну ягоду, сунул в рот и быстро разжевал. На вкус ничего особенного, даже, пожалуй, слишком кислая, но то, что почувствовал киммериец, проглотив мякоть вместе с косточкой, просто ошеломило его как гром среди ясного неба.

Ему показалось, что он может одной рукой разбросать весь этот замок, раздвинуть тучи, стрелой долететь до Ке-занкийских гор — и что ему какие-то там колдуны! С трудом подавив в

себе желание немедленно проверить это ощущение небывалой силы, он лег рядом с карликом, отвернулся и притворился спящим. Сквозь полуоткрытые веки он вскоре стал различать некие почти неуловимые перемены. А немного погодя зал, тускло освещенный вечерним светом, начал меняться прямо на глазах. Проломы в стенах превращались в ажурные окна, а земля с редкими пучками пожухлой травы — в блестящий мозаичный пол. Откуда-то сверху лился мягкий красноватый свет. Конану стоило больших усилий изображать из себя спящего, но волшебство мисахи делало его хитрым и предусмотрительным: он понимал, что притворяться нужно до последнего, ибо только это и может их спасти.

Вдруг послышались легкие быстрые шаги, кто-то остановился возле них, и киммериец почувствовал прянный аромат благовонного курения, одурманивающий и убаюкивающий. Странное чувство, что одна половина его спит, а другая бодрствует, не покидало Конана. То, что он услышал, заставило его внутренне содрогнуться, но ни один мускул его не дрогнул, лицо по-прежнему оставалось безмятежным и спокойным.

— Наконец-то снова в этих краях появились люди! — произнес мелодичный женский голос.
— Так давно здесь никого не было, что я забыла, жива я или нет.

— Я тоже совсем ослабела от ожидания. Зато сегодня у нас праздник! Хозяин будет доволен! Ты только посмотри, какие они молодые и сильные, их жизни хватит нам надолго, и юность наша снова расцветет!

Нарастающий гул прервал разговор колдуний, они побежали в угол залы и стали выдвигать что-то огромное, скрытое серой завесой с пробегающими по ней багровыми искрами. Сквозь ресницы Конан разглядел гибкие девичьи фигуры и лица, молодые, но угасшие, похожие на маски. То, что они выдвинули на середину, оказалось огромным зеркалом в черной раме, увитой гирляндами цветов. Цветы извивались как змеи, хищно покачивали головками и тихо гудели.

Обе колдуньи подошли к зеркалу и встали перед ним на колени. Конан чем угодно мог поклясться, что они там не отражались. Вместо них в раме зеркала возник чудовищный великан в странных богатых одеждах. Руки, грудь и лицо его покрывала клокастая шерсть, голову венчала корона, усыпанная рубинами. Однако он был так изможден, что, казалось, с трудом держался на ногах. Протянув руку в их сторону, великан приказал:

— Начинайте! Мы ждали слишком долго, и сейчас нельзя медлить. Судьба послала нам подарок — их жизнь и молодость скоро станут нашей жизнью. Но помните — сил у них должно остаться лишь на один шаг, не больше, иначе мы погибли! Один шаг в зеркало — и все! Помните! Помните!

Великан постепенно становился все прозрачнее и прозрачнее и вскоре исчез совсем.

Колдуньи подошли к столу, взяли кубки с пенящейся жидкостью и приблизились к спящим.

— Проснитесь, путники, вы наши гости, и мы хотим устроить вас поудобнее! — изрекли они и стали брызгать на них из кубков.

Зурр-аль-Асар проснулся, посмотрел на колдуний, выглядевших уже как обыкновенные девушки, и очень обрадовался. Конан, решив, что ему надо последовать его примеру, привстал и заулыбался во весь рот.

— Ну и ну! Куда это мы попали? — верещал Зурр-аль-Асар. — Помню дождь, грозу, а что дальше — не помню. Конан, где это мы?

— Может, нас оглушила молния, и они нас подобрали? — предположил Конан, догадавшись, что Зурр-аль-Асар начисто забыл о Танцующих Девах и о развалинах. Значит, и он не должен о них вспоминать.

Девушки засмеялись и побежали к столу, приглашая их за собой. Стол был уставлен богатыми яствами и винами, пряные запахи стояли в воздухе, одурманивая и в то же время возбуждая. Карлик не стесняясь набросился на угощение, и Конан решил от него не отставать.

Но вина он не пил, однако все время делал вид, что наполняет кубок и подносит его к губам.

Музыка звучала все громче и настойчивее. Девушки увивались вокруг них, слегка пританцовывая. Зурр-аль-Асар, охмелев, пытался ухватить за одежду то одну, то другую, но тонкая ткань как дымка ускользала из рук. Конан, стараясь уподобиться Зурр-аль-Асару, притворился не на шутку опьяневшим. Девушки, смеясь, уворачивались от них и то и дело побегали к зеркалу, прихорашиваясь перед ним и жеманяясь. Цветы на раме выглядели вполне обычно, они не шевелились и не качали головками.

Вот девушки снова подбежали к столу. А музыка все играла и играла, и карлик, сидя с кубком в руке, начал ей в такт притопывать ногами. Конан вдруг ощутил на своем плече легкое прикосновение, тонкая рука обвила вокруг его шеи, и к нему склонилось смеющееся женское лицо — нежные щечки, свежий, как полураскрывшийся бутон, рот, огромные глаза... Глаза необыкновенной глубины, как два опасных колодца, манящие, пугающие... Конан засмеялся, грубо схватил девушку за руку, посадил рядом с собой, между делом локтем столкнув со стола кувшин с вином. Она на миг прижалась к нему, замерла, потом прошептала:

— Я хочу потанцевать с тобой... Совсем немного... Я так люблю танцевать! А потом мы долго-долго будем вместе, сколько захочешь!.. Пойдем — слышишь, музыка играет для нас!..

Зурр-аль-Асар уже кружился по залу со своей волшебницей, с трудом держась на ногах. Она смеялась, весьма довольная, и летала вокруг него, как пестрая бабочка. Конан ощущал в себе бурлящую силу, но притворялся ослабевшим и спотыкался на каждом шагу. Музыка становилась все быстрее и неистовее. Колдуны, грациозно порхая вокруг Конана и карлика, как бы оплетали их невидимой паутиной, в которой им предстояло погибнуть. Киммериец, чувствуя, как в вихре танца они неминуемо приближаются к страшному зеркалу, тем не менее заранее знал, что сделает. Еще сидя за столом и сожалея, что с ним нет его доброго меча, он заметил тяжелый мраморный шар, окованный ажурными металлическими украшениями. Шар лежал почти рядом с зеркалом, поддерживая чашу, в которой трепетал язычок пламени. Поднять этот шар смогли бы, пожалуй, несколько человек, таких же сильных, как Конан, но юноша он казался сейчас детской игрушкой.

Зеркало неумолимо надвигалось на них своей темной пастью, и вот уже они видят в нем свое отражение. Девы-колдуны мелькают в зеркале прозрачными тенями. Зато там, за их спинами, стоит огромное чудовище в сияющей короне, его губы дергаются от нетерпения, обнажая огромные клыки.

Конан понял, что последний миг настал. Он оттолкнул прильнувшую к нему колдунию, метнулся к шару, схватил его, даже не ощущив тяжести, и изо всех сил швырнул в зеркало. Оно со звоном разлетелось на куски. Ужасающий грохот и вой сотрясли весь зал, стены стали покрываться трещинами, очертания их размывались. Лишь рама зеркала стояла посередине, и все, что было вокруг, рассыпалось прямо на глазах и втягивалось туда, как в воронку. Вот мелькнули девы, растерзанные и окровавленные, и огромная голова в рубиновой короне... Вихрь уже подтаскивал к раме распостертое тело Зурр-аль-Асара, но Конан схватил карлика, взвалил на плечи и кинулся прочь, продираясь сквозь воюющий туман, несущийся ему навстречу. Даже его сил, удесятеренных волшебной ягодой, едва хватило, чтобы противостоять этому смертоносному вихрю. Вконец обессилен, киммериец рухнул на землю, прикрыв карлика своим телом.

Конан очнулся, почувствовав, что карлик, ругаясь и постанывая, пытается выбраться из-под него. Собравшись с силами, варвар встал и, пошатываясь на дрожащих ногах, огляделся. Неподалеку стояли их кони, привязанные к какому-то корявому дереву. Вокруг были разбросаны фляги, одеяла, мечи и кинжалы. Ни следа дворца, ни следа развалин. Трава, мокрая от дождя, блестела на утреннем солнце.

Зурр-аль-Асар сидел на земле, обхватив голову руками, покачивался и причитал:

— Ох, что это было? Нергал сбросил на нас свой трезубец или камни падали с неба? Хотя нет, камней не видно... Вроде была гроза... Ну да, вон и трава мокрая. Но как кружится голова и болит, прямо раскалывается. Ох, кости мои, косточки, что же это было?..

Он с трудом поднялся и пьяной походкой пошел к реке. Встав на колени, он долго пил, плескал водой в лицо, отфыркивался, потом, так же пошатываясь, вернулся и сел на одеяло:

— Надо потихоньку ехать, пока не жарко. Главное теперь — не наткнуться на замок Танцующих Дев. Мне рассказывали, что они затанцовывают путников до смерти...

Конан с изумлением обнаружил, что товарищ его ничего не помнит: все, что произошло с ними ночью, исчезло из его памяти, осталось только тяжелое похмелье от колдовского вина. Еще раз с благодарностью ощупав кошелек с мисахи, Конан собрал разбросанное снаряжение, оседлал лошадей, подсадил Зурр-аль-Асара, и они поехали дальше, один — ругаясь и отплевываясь, другой — радуясь утру, солнцу, удаче.

Прохладный утренний ветер приятно щекотал шею, ласкал плечи, трепал волосы. Подставляя ему лицо, Конан с удовольствием думал о нескольких днях пути, оставшихся до Кезанкийских гор — пути, таящего, быть может, новые приключения, встречи, опасности.

Конечно, жизнь в большом городе тоже полна приключений и неожиданностей, и опасности встречаются там на каждом шагу. Но дорога... Нет, с дорогой ничто не может сравниться! Дорога — это сама жизнь, переменчивая и прекрасная. Сегодня одно, завтра другое... Такие разные страны, такие разные попутчики — то верные, то коварные. Все это наполняло жизнь смыслом, подпитывало силы, дарило ощущение дикой свободы. И где еще человеку дано так полно понять и проявить себя?

Сам того не сознавая, Конан любил эти резкие переходы от оседлости к путешествию, пусть даже вынужденному. Молодой, отважный и сильный, прошедший суровый путь детства и юности, он везде чувствовал себя как дома, ни к чему не прикипая сердцем. И жизнь вела его своими дорогами как любимого сына, помогая и подсказывая. Конан ехал, ослабив поводья и рассеянно посматривая по сторонам. Но взгляд его тем не менее подмечал каждую деталь, и никакая опасность не могла подкрасться незамеченной.

Сейчас все было спокойно. Ровная благодатная местность то манила лесной прохладой, то радовала глаз просторами сочных лугов. Зурр-аль-Асар, уже пришедший в себя, снова обрел способность разговаривать. Приподнявшись в стременах, он внимательно вглядывался вперед, словно что-то припоминая, потом обрадованно вскрикнул:

— Ну точно, это здесь! Вон видишь, за полем темнеет лес? Отличный лес, просто прекрасный лес, кабанов там — пропасть! Слово Зурр-аль-Асара, сегодня у нас будет царский ужин!

Они пустили коней в галоп, и вскоре лес укрыл их своей тенью, свежей, как глоток ключевой воды. Углубившись в чащу, они привязали коней под высоким дубом. Кабаны здесь действительно водились, судя по многочисленным следам, оставленным животными на лесной тропе; да и под самим деревом земля была порядком изрыта и истоптана.

Конану предстояло загонять дичь, а Зурр-аль-Асар спрятался в засаде. Вооружившись луком и стрелами, Конан неслышными шагами двинулся по большому кругу, прислушиваясь к каждому шороху, всматриваясь в каждый трепещущий лист. По пути он подобрал две толстые палки, чтобы, когда обнаружит свиней, произвести как можно больше шума. Тихо, как дикая кошка, пробираясь по лесу, Конан вскоре услышал хруст веток и похрюкивание. Целое семейство пировало в орешнике, не ожидая никакой опасности. Ведь кабаны были полноправными хозяевами этого леса. Люди забредали сюда так редко, что звери жили и плодились, не ведая страха.

Осторожно подкрадываясь к свиньям, стараясь, чтобы ветерок, пусть едва заметный, дул

ему в лицо, не донося до них тревожащего запаха, Конан подобрался к стаду довольно близко. Свиньи, скрытые листвой низких кустарников, беззаботно чавкали и похрюкивали, не чуя беды.

Конан распрямился и, прикинув направление, в котором погонит свиней, вдруг засмеялся во весь голос, потом заорал и бросился вперед, ломая кусты и громко стуча палками. Звери на мгновение замерли, ошеломленные криком, потом с треском рванулись вперед, преследуемые этим вопящим и громыхающим чудовищем. Конан бежал быстро, как олень, не давая стаду свернуть в сторону, и вскоре раздался один предсмертный визг, затем второй. Остальные свиньи, охваченные страхом и паникой, бросились врассыпную.

Выскочив на небольшую полянку, Конан увидел огромного мертвого кабана со стрелой во лбу, а рядом — здоровую свинью, тоже сраженную наповал. Из-за дерева вышел Зурр-аль-Асар, лицо его расплылось в торжествующей улыбке. Ткнув свинью ногой в живот, он сказал:

— Ну, что я тебе говорил?! Здесь такие места, только пошевеливайся — без дичи не останешься.

— Да, места богатые. И стрелок ты что надо! Две свиньи с одного гона — это редкий охотник так может!

Зурр-аль-Асар, довольный и гордый, связал свинье ноги и взвалил ее на плечи. Конан занялся кабаном. Вскоре они уже готовили ужин под своим дубом. Жареное мясо аппетитно пахло, жир, капая на угли, вспыхивал оранжевыми искрами.

Наевшись и нажарив мяса впрок, они еще немного посидели у костра, посудачили об охоте и отправились на боковую. Ночь была тихая, лунный свет едва пробивался сквозь густую листву дуба. Конану не спалось. Страшная ночь в замке Танцующих Дев казалась ему чем-то вроде далекого сна, из которого припоминаются только отдельные куски, но никак не сложить целого. Конан пытался вспомнить все по порядку, но однако ему это не удавалось. В конце концов он разозлился и сразу уснул.

...Сияющий день, крутая горная тропа, он сам, идущий по ней вверх — нет, это не могло быть сном, и все же Конан сознавал, что спит. Камешки с шорохом осыпались из-под ног, птицы перекликались в кустах, ящерицы, гревшиеся на камнях, при его появлении тут же куда-то прятались. Он уверенно шел вперед, как будто уже много раз ходил этой тропой. Ни меча, ни кинжала при нем не было, но он знал, что здесь, в этих горах, опасность ему не грозит.

Тропа родила его все дальше, все выше в гору. Внизу осталась долина, где текла, теряясь в пышных кустах, быстрая речка. Постепенно склоны, местами покрытые пожухлой зеленью, перешли в голые скалы. Лишь кое-где из трещин торчали корявые деревца, уцепившиеся корнями за мертвый камень. Тропинка была совсем узкой, но Конан шел, не глядя под ноги и не ощущая тяжести своего тела. Он был уверен, что не упадет. Понемногу расширяясь, петляя между огромными острыми камнями, тропинка незаметно пошла вниз.

Пройдя еще чуть-чуть, Конан оказался на площадке, почти круглой, с трех сторон окруженной отвесными скалами. В скалах правильными рядами зияли огромные пещеры, вырыть которые было под силу разве что гигантским насекомым. Посреди площадки, окруженный ухоженными кустами, высился огромный колодец из необтесанных камней. Сбоку от него возвышалась небольшая башенка с круглой лестницей. На нижней ступеньке сидел человек. Увидев Конана, он приветственно махнул рукой, поднялся и пошел ему навстречу. Конан узнал его сразу. Тот самый старик, что предлагал ему купить мисахи! Что он здесь делает, в этих диких горах? И потом, это странное место... Пещеры, колодец... Конану на мгновение почудилось, что он уже где-то это видел или же слышал о чем-то похожем...

Старик, улыбаясь, подошел к Конану, слегка коснулся его руки своей узкой ладонью и сказал:

— Ну что, сынок, понадобились тебе мисахи? Береги их, они тебя еще не раз спасут от

смерти.

— Где я? Тебя, стариk, я сразу узнал. Но почему мне так знакомо это место? Я что, бывал здесь когда-то? Не помню...

— Погоди, сынок, отдохни. Ты многое должен узнать, прежде чем на самом деле попадешь сюда.

Они сели на лестницу у подножия башни, и стариk заговорил:

— Это — Кезанкийские горы. Здесь, в самом их сердце, уже несколько сотен поколений мудрецов хранят тайну Сердца Земли. Этот колодец — Шрипур-Аим, что значит: Путь Силы. Он ведет прямо туда, к Сердцу Земли. И от нас, мудрецов, охраняющих этот колодец, зависит, что выйдет оттуда — добро или зло, жизнь или смерть. Злые силы уже давно пытались вырваться наружу, но до сих пор нам удавалось удерживать их там, в горячем чреве Земли.

Однако недавно здесь совершилось предательство, и Зло одержало победу. Теперь два огромных огненных удава стерегут колодец, намереваясь выпустить всех остальных страшных тварей, порожденных подземными богами. Земля, чистая и светлая, будет сожжена и истерзана, и люди или исчезнут совсем, или эти мерзкие чудовища будут охотиться на них как на дичь.

— А что случилось? Почему ваша мудрость не удержала змей в колодце? Постой, постой, стариk, я вроде припоминаю... Зурр-аль-Асар рассказывал совсем другую историю. Теперь я понял, почему мне знакомо это место. Он говорил, что вы опаиваете путников каким-то зельем, чтобы они не раскрыли тайны вашего монастыря... Стариk, похлопав Конана по колену, засмеялся:

— Подумай сам, какие здесь путники? Сюда только птицы да горные козлы заглядывают. Все пути лежат в стороне от монастыря. К нам приходят либо посвященные, либо... — Стариk не договорил и нахмурился.

— Значит, это Зурр-аль-Асар вызвал змей из колодца? — догадался Конан. — А зачем он тогда меня потащил в эти горы? Он сказал, что никого из монахов не осталось и что змеи стерегут сокровища.

— Ты думаешь, ему нужны сокровища? Нет, ему нужно это. — Стариk взмахнул рукой, и они оказались у входа в пещеру самого верхнего яруса. Отсюда колодец казался большим круглым глазом, в глубине которого что-то переливалось, вспыхивая изумрудным, голубоватым или багровым светом.

Стариk вошел в пещеру, и она сразу осветилась множеством разноцветных огоньков. У самого входа пол был выложен диким камнем, а дальше — мозаикой из драгоценных пород. По роскоши пещера напоминала царский дворец. В дальнем углу зала возвышался огромный черный камень, ограненный, как бриллиант. Границы его были пугающе бездонны. На самом верху, как на столе, лежал золотой жезл, украшенный мелкими черными камешками.

Стариk подошел к алтарю, протянул руку и сказал:

— Этот жезл — ключ к Сердцу Земли. Кто им обладает, тот властен над силами подземного мира. Много тысяч лет, совершая магические обряды и жертвоприношения, мы держали колодец на замке. Но во время последнего жертвоприношения была пролита человеческая кровь — Зурр-аль-Асар очень меткий стрелок, ты ведь знаешь. Но он не ожидал, что за этим последует. Змеи тут же вырвались на свободу, а сам он еле унес ноги. Но не все наши братья погибли. Мы ждем своего часа, и час этот скоро настанет. Если в ближайшее полнолуние змеи не будут уничтожены, страшно даже подумать, что произойдет. Я спрашивал звезды, и они мне сказали, что победить удавов может смелый юноша, не жаждущий власти над миром и добивающийся всего лишь своей силой и храбростью. И это — ты, Конан!

Он замолчал, повернулся и покинул пещеру. Выйдя вслед за ним, Конан еще раз с высоты заглянул в колодец, но, не выдержав сияния его черной глубины, отвернулся.

Так же незаметно, как и поднялись, они опустились вниз. Старик шел впереди легкими мелкими шагами, но Конан, как ни старался, не мог его догнать. Наконец старик обогнул выступ скалы, и они очутились на маленькой площадке, не просматривавшейся от колодца. Часть стены, у которой они стояли, была отполирована — и напоминала дверь. Старик нагнулся голову и снял с шеи тоненький шнурок с болтавшимся на нем треугольным камешком. Он приложил камешек к красному пятну в центре плиты, и она медленно поползла вверх. За плитой оказалась неглубокая ниша. Там висели лук и колчан со стрелами.

— Запомни это место и эту дверь. Когда доберетесь до монастыря, непременно приди сюда, открой пещеру и поменяй свой лук и стрелы на эти — лишь они способны умертвить удавов. Карлик этого не знает, он надеется на твою силу и свою меткость, а в случае удачи тебя ожидает гибель в колодце... Пойдем, мне надо тебе еще кое-что рассказать.

Дверь пещеры плавно опустилась. Старик повесил камешек Конану на шею. Они вернулись к колодцу. Конан, почувствовав усталость, лег в тени, а старик сел рядом и еще долго-долго что-то говорил. Его речь текла плавно, убаюкивая, как журчание ручья... Обеспокоенный, что не может разобрать слов, Конан открыл глаза.

Утро еще только разгоралось, шум реки, хорошо слышный в рассветной тишине, сразу напомнил Конану и охоту на кабанов, и вечер, когда он ворочался с боку на бок, стараясь уснуть.

Кажется, ему что-то снилось. Что-то очень важное. Надо бы вспомнить... Он встал, потянулся всем телом, потер шею, слегка затекшую во время сна. Его рука вдруг наткнулась на что-то твердое, и он с удивлением ощупал маленький треугольный камешек на плетеном шнурке. Все виденное во сне сразу же явственно стало перед глазами, и зазвучал голос старика: «Мне надо тебе еще кое-что рассказать...»

Сидя на камне и задумчиво рассматривая талисман, Конан краем глаза поглядывал в сторону Зурр-аль-Асара. Словно почувствовав его взгляд, карлик поднял голову, встряхнулся, прогоняя остатки сна, бодро поднялся и направился к лошадям.

И вот уже снова кони шаг за шагом отмеряют дорогу, незаметно приближая путников к цели. Конан, внешне не изменивший своего отношения к карлику, смотрел на него, однако, совсем другими глазами. И то, что раньше лишь настораживало, сейчас обретало совершенно иной смысл. Рядом с ним ехал не такой же искатель приключений, как он сам, а человек, желавший обрести власть над миром, обрести страшной ценой.

Конана охватил гнев, когда он понял, что едва не попался в ловушку. Выполнить грязную работу и исчезнуть?! Ну уж нет, не на того напали! Посмотрим, что ты запоешь на месте, когда эти твари полезут на тебя!

Так думал Конан, покачиваясь в седле и стараясь не встречаться взглядом с карликом. Немного поостыv, он сообразил, кто теперь хозяин положения. Зная, как победить удавов и чего ждать от карлика, Конан чувствовал себя не менее могучим, чем любой властелин мира.

Так они ехали, скрывая друг от друга свои мысли и планы, притворяясь добрыми товарищами, соединенными одной целью.

* * *

Через несколько дней вдали обозначились смутные очертания гор. Отсюда они казались сказочно-красивыми, живописно окаймляя горизонт сине-сиреневыми грядами. Зурр-аль-Асар уверенно погонял коня, словно он всю свою жизнь только и делал, что ездил в монастырь и

обратно. Лошади, не слишком утомленные дорогой, легко поднимались по горной тропе. Но скоро всадникам пришлось с ними расстаться — тропинка стала такой узкой, что по ней можно было пройти только пешему.

Стрепожив коней на небольшой поляне, они взяли все необходимое и двинулись вперед. Внизу, в долине, неслась река среди зеленых кустов, подножия гор устилала сочная зеленая трава.

Конан снова шел знакомой тропой, но на этот раз путь его был трудным. Ноги скользили, оружие и кольчуга стесняли движения, едкий пот струился по лицу. Часто приходилось отдохнуть, выбирая какую-нибудь крохотную площадку. Во время одной из таких остановок Конан вспомнил прошлую ночь, когда он долго лежал на спине, глядя, как луна просвечивает сквозь жидкие облака. Луна... Луна?! Да ведь сегодня — полнолуние! Старик говорил, что удавов можно убить только в полнолуние, во время их любовной пляски. Надо спешить. Он встал и, не обращая внимания на карлика, едва успевавшего за ним, полез дальше, забыв про усталость и ободраные руки.

Вот тропинка стала шире, теперь можно идти, не цепляясь за скалы. Еще немного — и она пойдет под уклон, а там уже и колодец с удавами... Конан остановился, раздумывая, что делать дальше. Карлик прошел вперед, но через несколько шагов оглянулся и поманил его за собой. Перед ними зияла узкая расщелина, в которую с трудом мог притиснуться человек. Зурр-аль-Асар смело полез в темноту, и Конан, не задумываясь, последовал за ним.

— Осторожно, здесь лестница! — прошептал карлик, но Конан уже нащупал ногой ступени.

Лестница была такой узкой, что двое на ней точно бы не разошлись. Вскоре сверху стал пробиваться свет, и немного погодя они оказались в крошечной пещерке, грубо вырубленной в скале. Небольшое отверстие в стене выходило, как догадался Конан, на площадку с колодцем.

Карлик подполз к отверстию и осторожно выглянул, готовый тут же спрятаться. Но вот он махнул рукой, подзываю Конана. Помня мирную картину из своего сна, киммериец выглянул и чуть не вскрикнул от изумления. Площадка вся была выжжена нездешним огнем — камни колодца покернели и оплавились. От башни не осталось и следа. Из пещер валил густой едкий дым, застилавший солнце. Сам колодец был окружен шевелящейся красной стеной, все время менявшей свои очертания. Это были свившиеся тела двух огромных удавов. То один, то другой поднимали головы, оглядывая окрестности, и огромные глаза их, излучавшие нестерпимый белый свет, казалось, могли испепелить все живое и неживое.

Конан и Зурр-аль-Асар сели на пол.

Помолчав, Конан спросил:

— Ну и что дальше? Как их можно убить одновременно? Отсюда никакая стрела не долетит, да они, похоже, могут спалить ее на лету. Ты, когда меня звал, знал ведь, что надо делать. Так говори! — Конан усмехнулся и, разглядывая свои ободраные руки, добавил: — Не любоваться же на них мы сюда лезли!

— Надо ждать, — отвечал карлик. — Наступает полнолуние, только в эту ночь и можно их одолеть.

Конан слушал карлика и думал, что Зурр-аль-Асар действительно много знает, не зря же он тут терся среди монахов. Наверное, притворялся своим, выведывал, подслушивал — а все же не успел завладеть жезлом, и вот теперь привел его, Конана, как барана...

— Танцуй в полнолуние свой любовный танец, удавы становятся обычновенными змеями. Только глаза их мечут молнии. Но от молний можно увернуться. Мы вдвоем победим подлых тварей — или не победит никто! — хвастливо продолжал карлик. — Ты, с твоей ловкостью и быстротой, отвлечешь их, а я подкрадусь ближе. Когда один удав заслонит другого — я не промахнусь, будь уверен! Моя стрела пронзит их насеквоздь, если ты раньше не срубишь им головы

одним ударом, а, Конан?! — И карлик, смеясь, похлопал его по плечу.

Конан встал, подошел к отверстию и снова осторожно выглянул. Потом повернулся и медленно направился к лестнице.

— Ты куда? — подался было за ним карлик.

— Оставайся здесь, я выйду осмотрюсь. Ты тут бывал, а я хочу сам все увидеть. Не бойся, они меня не заметят.

Карлик успокоился и снова уселся на пол.

Конан осторожно спустился по лестнице, вылез из расщелины и, не производя ни малейшего шума, скрылся между камнями. Некоторое время он наблюдал за щелью. Убедившись, что карлик за ним не следит, обогнул выступ скалы и оказался на знакомой узкой тропинке. Вот и площадка с гладкой плитой, и красное пятно посередине. Конан вытащил из-под туники кожаный мешочек с талисманом, достал его и приложил к пятну. Плита поднялась, открывая нишу с висящим в ней луком. Сняв с себя лук и колчан, Конан поразился их сходству с теми, волшебными: все узоры отделки в точности повторяли друг друга, только волшебный лук был чуть побольше, а стрелы — потолще. Быстро поменяв их местами, Конан отошел в сторону. Ниша тихо закрылась, и красное пятно засверкало мелкими искорками в лучах заходящего солнца.

Тени, прозрачно-синие днем, к вечеру сгостились, все краски стали ярче, горы как бы вспыхивали, прежде чем погрузиться в черноту ночи.

Стоя на площадке, Конан вспоминал слова старика. Лук у него в руках. Что дальше? Мисахи, теперь надо съесть мисахи! Конан развязал кошелек и даже застонал от досады: вместо плодов в кошельке была липкая жижа — ягоды раздавились, когда он лез по скалам. Конан всей пятерней зачерпнул то, что осталось от ягод, и жадно съел, надеясь на чудо. Но если в первый раз он почувствовал небывалую силу, то сейчас ничего не произошло. Его охватило жестокое разочарование, и он в отчаянии ударил кулаком, измазанным в липком сиропе, по обломку скалы. Камень с треском рассыпался в песок, а Конан стоял и удивленно разглядывал свою руку.

Быстро наступившие сумерки напомнили, что пора действовать. Конан осторожно выглянул из-за уступа и крадучись подошел к расщелине. Негромко свистнув, он услыхал ответный свист и быстрые шаги. Зурр-аль-Асар выглянул наружу, протиснулся в щель, и вот они уже стоят, слившись со скалой, готовые к схватке.

Опустилась ночь. Луна, прячась за скалами, почти не осветила площадку с колодцем. Пригибаясь, они неслышно перебегали с места на место, приближаясь к площадке. Конан спрятался за камнями слева, а Зурр-аль-Асар растворился в темноте справа от колодца.

Изредка в небо с шипением вздыпался столб упругого голубого пламени и тут же опадал, уходя в недра земли. Удавы то и дело высывались из колодца, сверкая огромными глазами. Они словно ожидали чего-то. Почва под ногами тихонько подрагивала, как будто снизу ее хотела разорвать чудовищная сила. Конан догадался, что это подземные твари рвутся наверх, и почувствовал, что он — именно он! — может их остановить.

Между тем луна сияющим краем выглянула из-за скал, и змеи высоко задрали головы, покачиваясь над колодцем, как два огромных живых цветка. Толчки стали ощутимее, снопы искрящегося пламени вырывались из-под земли все чаще. Удавы, раскачиваясь, поднимались все выше и выше, и вот они соединились над колодцем в огромный колеблющийся жгут с двумя головами. Жуткое шипение, от которого у Конана заложило уши, смешалось с гудением подземного пламени. В этот момент луна полностью вышла из-за уступа, осветив площадку. Сразу погасло пламя в колодце, стихли толчки. Только змеи, переплетаясь телами, медленно раскачивались из стороны в сторону, и в наступившей тишине было слышно, как шуршит их чешуя.

Глядя из засады на чудовищ, достававших головами до верхних ярусов пещер, Конан удивлялся и Зурр-аль-Асару, безумно уверенному в победе, и себе, оказавшемуся здесь, на краю бездны, рядом с логовом Зла, грозящего выплыть на землю.

А из глубины колодца уже безмолвно выплывали прозрачные фигуры, меняющие очертания в серебристом свете луны. Они медленно кружились над колодцем, ожидая дня, чтобы обрести плоть.

Конан стряхнул с себя оцепенение, понимая, что пора действовать. Сила, до сих пор дремавшая в нем, вдруг забурлила. Камень, лежавший рядом, показался подходящим, и Конан не раздумывая метнул его в колодец. Быстро отбежав в сторону и укрывшись за какими-то обломками, он ждал, что будет дальше. На площадке все мгновенно замерло. Бесплотные фигуры, остановив свой танец, метнулись обратно в колодец. Змеи, пытаясь расплести тела, рухнули на землю, свистя и шипя. Из их сверкающих глаз вырвались молнии и ударили как раз в то место, где только что прятался Конан.

Колодец словно ожила. Из клокочущей глубины вылетали узкие пучки огня, окутанные клубами едкого черного дыма. Дым быстро заволакивал все вокруг, и вскоре лунный свет померк за его пеленой.

Конан изо всех сил обрушил меч на камень, высекая искры, и опять метнулся в сторону. Камень тут же был испепелен четырьмя молниями. В этот момент Конан заметил стрелу, вонзившуюся в шею одного из удавов. Змеи, в ярости колотя хвостами, клубком покатились по площадке. Стоял такой треск и грохот, что казалось, будто началось землетрясение. Мелькнула вторая стрела, третья... Ни одна из них не могла пробить тела чудовища, они торчали из шеи удава, как соломинки. Конан натянул лук, выжидая момента, когда один удав заслонит другого. В бешенстве, пытаясь расплестись, твари колыхались перед глазами, то пропадая в клубах дыма, то показываясь вновь. Но вот на мгновение их головы соприкоснулись. Конан пустил стрелу. Он был уверен, что не промахнулся, но багровые столбы огня и зловонный густой дым скрыли от его глаз и змей, и колодец. Он стоял, прижавшись спиной к скале, и пристально всматривался в бушующее пламя. А сверху градом сыпались камни, но Конан не замечал их.

Сколько времени это продолжалось, он не знал, но, когда дым стал рассеиваться и камнепад прекратился, утро уже окрасило вершины далеких гор розовым светом зари. Конан размял затекшие от напряжения ноги и опасливо двинулся вперед, готовый к любым неожиданностям. Кровь из рассеченного лба стекала по лицу, он хотел ее вытереть, но руки тоже были все в крови и грязи. Конан все же кое-как отодрал от раны слипшиеся волосы и осторожно направился к площадке. Вернее, туда, что еще вчера было площадкой, а сегодня являло собой пространство, сплошь заваленное огромными камнями. Трудно даже было найти место, чтобы поставить ногу. Конан добрался до разрушенного колодца и заглянул в бесформенный дымящийся провал, в страшной глубине которого что-то изредка вспыхивало.

Он долго заворожено смотрел вниз, но вдруг его чуткий, как у зверя, слух различил за спиной легкие крадущиеся шаги. Выхватив меч, Конан резко обернулся и едва успел избежать удара.

Зурр-аль-Асар, обозленный неудачей, снова бросился на него, ловко орудуя мечом и в ярости выкрикивая:

— Ты, воровское отродье! Киммерийский бык! Ты пришел сюда за сокровищем?! Нет, ты останешься здесь, в колодце, а я обрету все! Теперь я — господин над миром, и ты — моя первая жертва Подземным Богам!

Карлик, сверкая безумными от злобы глазами, теснил Конана к краю провала. Мечи высекали искры, камни сыпались из-под ног. Вдруг Конан почувствовал, что теряет опору. Огромная глыба, на которой он стоял, покатилась в пропасть. Отразив мощный удар карлика,

Конан не удержался на краю и тоже полетел вниз. Чудом ему удалось зацепиться руками за острый выступ. Он повис над бездной. Сверху на него обрушился град камней. С трудом найдя опору для ног, Конан вжался в стену. Он задыхался от дыма, снова повалившего из колодца. Надо было скорее выбираться отсюда. Никакие волшебные силы мисахи не помогут, если снизу его начнет поджаривать подземный огонь. Осторожно ощупывая каждый выступ, Конан карабкался вверх. Наконец его нога оперлась о довольно большой камень, руки достали до края колодца, и он тихонько выглянул.

В двух шагах от него стоял Зурр-аль-Асар, что-то озабоченно выисматривая между камнями. Вот он отбросил в сторону большую глыбу, присел на корточки и довольно рассмеялся. Однако в следующий миг карлик уже бился в могучих руках Конана, как крыса в когтях орла.

Бездна получила свою жертву, и последний крик эхом отозвался в ее глубине.

Отойдя от края провала, Конан встал на то самое место, где только что стоял карлик. У самых его ног лежала огромная голова удава, вся сморщенная и растрескавшаяся. В глубоких впадинах, где еще недавно сияли смертоносные глаза, лежали две крупные, величиной с вишню, жемчужины, переливаясь мягким лунным светом и вспыхивая острыми огоньками. Конан вынул их из глазниц, положил на ладонь. Ничего прекраснее он в своей жизни не видел. Полюбовавшись жемчужинами, он сунул их в потайной кармашек своего пояса и стал разбрасывать камни, отыскивая голову второго удава. Она оказалась совсем рядом. И вот уже четыре жемчужины лежат в кармашке воровского пояса, а Конан стоит среди обломков и думает: «Что дальше?»

Легкий шорох за спиной вывел его из задумчивости. Схватившись за меч, Конан резко обернулся, ожидая новой опасности, но, увидев торжественную процессию, медленно двигавшуюся ему навстречу, успокоился и отпустил рукоять меча. Впереди шел старый жрец, глядя на Конана улыбающимися просветленными глазами. За ним, веером расходясь по площадке, двигались монахи, молодые и старые. Одни несли большие кувшины, другие — корзины с плодами. Там, где проходила молчаливая процессия, камни тут же исчезали. Старик остановился возле Конана, а монахи стали медленно обходить их по кругу. Вскоре площадка очистилась от обломков, остались лишь бесформенный зияющий колодец и неподвижные тела удавов, пронзенные сверкающей стрелой.

Старик улыбнулся Конану, прикоснулся к его помятой кольчуге и сказал:

— Осталось одно, последнее. Сбрось то, что осталось, в колодец — и мы снова наложим печать на это место. Зло побеждено, и можно будет совершить обряд очищения.

Монахи окружили провал, и Конан принял сбрасывать в колодец окаменевшие куски змеиных тел. Каждый раз, когда в бездну падал чешуйчатый камень, из-под земли раздавался тягучий стон.

Старый жрец задумчиво стоял около змеиных голов с пустыми глазницами. Когда и их поглотила тьма колодца, он тяжело вздохнул и испытуя посмотрел на Конана.

Но Конан ничего не заметил — он глядел в колодец и прислушивался к подземному гулу.

Когда все было кончено, старик взял большой кувшин из рук служки, подошел к Конану и стал медленно лить воду ему на голову. Прикосновение целительных струй к обожженной и израненной коже оказалось таким блаженным, что Конан невольно зажмурился. Служки передавали старику полные кувшины, и вода все лилась и лилась на Конана, смывая усталость и боль. Когда опустел последний кувшин и Конан открыл глаза, ему показалось, что снова вернулся тот волшебный сон: колодец был аккуратно сложен из грубых камней, рядом высилась башня с лестницей, вокруг ярко зеленели подстриженные кусты... И ни следа страшной битвы. Взглянув на свои руки, Конан чуть не вскрикнул: такими руками можно было хоть сейчас биться с чудовищем или снова раскидывать камни, а ведь еще совсем недавно они были в кровь

изодраны и обожжены. Кольчуга сияла новенькими звеньями, сандалии были совершенно целыми. Конан благодарно посмотрел на жреца и спросил:

— Старик, скажи, это опять сон, или все уже позади? Мы с тобой встретились совсем недавно, и уже столько всего произошло. У меня просто в голове не укладывается... Зурр-аль-Асар — он был или тоже только приснился? Постой, постой, я ведь его сбросил вниз, туда...

— Он получил свое. Теперь, очистив тебя от скверны всех смертей, мы должны совершить обряд очищения колодца. И тогда Зло снова будет заперто под землей. Оно начнет искать другие места, чтобы вырваться на свободу... Навсегда запечатать его там нельзя, иначе недра Земли не выдержат этой страшной силы, и огонь пожрет весь мир. А теперь дай мне руку, Конан, и мы пойдем наверх.

Конан ожидал, что они опять поднимутся к верхним пещерам с помощью волшебства, но перед ними появилась длинная лестница, удивительно легкая и красивая на фоне угрюмых скал. Старик и Конан шли впереди, остальные монахи поднимались на некотором расстоянии, шепча заклинания. Конану уже поднадоела вся эта торжественность, но деваться было некуда.

Поднявшись на верхний ярус, старый жрец вошел в одну из пещер и оглянулся, приглашая Конана. Пещера осветилась множеством факелов, и Конан увидел, что это не храм, а скорее пиршественный зал. Огромный стол, стоявший посередине, был накрыт словно в ожидании гостей. Дорогие кубки, изящные кувшины, золотая посуда — все это обещало богатый пир, и Конан приободрился. Старик усадил его рядом с собой в центре стола. Монахи раскладывали на блюда принесенные плоды. Появились лепешки, такие ароматные, будто их только что испекли, и жареная дичь, запах которой сразу напомнил Конану, как он голоден. Старик, улыбаясь, налил в кубки вино, пододвинул киммерийцу блюдо с дымящейся дичью. Конан впервые имел дело с монахами и не представлял, как надо держаться на таком пиру. Негромкие разговоры, безмолвные служки, подливавшие вино и менявшие блюда, да и сам старик, хоть и приветливый, но все же серьезный и величественный, быстро надоели Конану. Чувствуя, что ему уже невмоготу, он спросил старика:

— Ты говорил, что спрашивал обо мне звезды. Скажи, мне нужно еще что-то сделать или же я могу уйти? Я хотел бы вернуться в Шадизар, там у меня... — Он умолк — Де-янира стояла перед его мысленным взором как живая — и нашупал спрятанные в поясе жемчужины.

— Сегодняшнюю ночь ты проведешь здесь, а завтра сможешь отправиться в путь.

— Я думаю, наши кони наверняка испугались этого адского грохота, и вряд ли я их теперь найду. А идти пешком отсюда до Шадизара или даже до ближайшей деревни — это я опять продержу все подошвы.

Старик молча протянул руку, и вместо стены Конан увидел знакомую поляну и коней, мирно пасущихся у ручья. Постепенно картина растаяла. Конан сам наполнил кубки и сказал:

— Спасибо, отец. Теперь я спокоен. Давай еще выпьем твоего вина — до ночи ведь далеко!

Вскоре Конан перестал обращать внимание на молчаливую братию и с удовольствием пил отличное вино и насыпался редкими яствами. Старик расспрашивал его о пути из Шадизара, о том, что тянет юношу обратно. Конан охотно вспоминал, не жалея красок. Вино развязало ему язык, и он уже собрался было рассказать о Деянире и о том, что заставило его покинуть Шадизар, как вдруг перед глазами у него все поплыло, он склонился на стол и мгновенно уснул.

Монахи бережно подняли Конана и перенесли в смежную с залом небольшую комнату. Там с него сняли кольчугу, меч, кинжал и сандалии и уложили на богатое ложе. У порога остался молоденький служка, остальные вместе со старым жрецом скрылись за массивной дверью, ведущей внутрь горы.

До самого вечера слышалось приглушенное пение. Монахи обходили все пещеры и совершали обряд очищения. Когда стемнело, в пещерах зажглись факелы, и вся гора засияла, как

царский дворец.

Жрец вошел в комнату, где спал Конан. Теперь он совсем не походил на того улыбчивого старика, который предлагал киммерийцу мисахи и рассказывал историю монастыря. Длинное красное одеяние и накинутый на плечи серебристый плащ придавали ему царственновеличественный вид. Обруч с черными камнями, поддерживающий волосы, и жезл усиливали это впечатление. Жрец прикоснулся к Конану, откинув со лба спутанную прядь волос. Конан вскочил, нащупывая меч, но тут же успокоился, узнав старика. Вбежали служки, неся воду и фрукты. Конан ополоснул лицо, напился, с косой усмешкой вытерпел процедуру одевания и, чувствуя себя удивительно отдохнувшим, ждал, что скажет жрец.

— Пойдем, сынок, скоро появится луна, — наконец произнес старик. — Надо совершить обряд, чтобы закрыть колодец и успокоить Сердце Земли.

Жрец величественно направился к выходу, и Конан поплелся за ним вслед, мечтая только об одном: чтобы все это поскорее кончилось.

Спустившись на площадку, где их ждали монахи, они остановились. Жрец снял со своей головы обруч и надел на Конана, потом протянул ему жезл и сказал:

— Когда появится луна, трижды обойди вокруг колодца и поднимайся на башню. Иди медленно. Попытайся ни о чем не думать. И не смотри вниз.

Конан кивнул, глядя в серьезные глаза жреца. Жезл, который он теперь сжимал в руке, был таким тяжелым, что стоило больших усилий его удерживать. Стараясь не думать, как же стариk с легкостью носит такую тяжесть, Конан смотрел на скалу, из-за которой показалась луна. Время тянулось невыносимо медленно, тишину нарушало лишь потрескивание факелов в пещерах и стук его собственного сердца. Наконец луна выбралась из-за уступа, и киммериец почувствовал легкий толчок в спину. Не убирая шагов, чтобы не споткнуться, Конан три раза медленно обошел вокруг колодца. Сзади с пением двигались монахи, разбрызгивая из кувшинов воду. Неторопливо поднимаясь по ступенькам на башню, Конан заставлял себя смотреть на луну, хотя его так и тянуло хоть краем глаза взглянуть на колодец.

Жрец взял из его рук жезл и, подведя к краю башни, изрек:

— Бери то, что тебе будут подавать, и не глядя бросай вниз, ни о чем не думая.

Сначала Конан почувствовал в руках трепещущие тела связанных между собой птиц. Бросив их, он услышал донесшийся из глубины слабый вздох. Потом ему подавали плоды, кувшины с маслом, кувшины с вином и что-то еще, совсем непонятное... Он размеренно и торжественно бросал все это в бездну, с наслаждением вслушиваясь в легкие нежные вздохи. Казалось, это сама женская суть мира дышит там, внизу, благодаря его за жертвоприношение. Внезапно скалы, тускло освещенные луной, засверкали яркими разноцветными бликами. Яркий свет, брызжущий из колодца, играл и переливался, вспыхивая всеми цветами радуги.

Жрец поднял жезл и громко возвестил:

— Жертва принятa! Радуйтесь, дети мои! Взгляни вниз, Конан!

Конан с опаской опустил глаза и увидел, как из глубокой, бездонной черноты вырываются ослепительно яркие снопы света.

— Вот он, Шрипур-Аим, Путь Силы, не оскверненный кровью и предательством! Сегодня тебе была дарована великaя честь принести искупительную жертву. Возможно, тебе еще не раз предстоит ее приносить.

Жрец снял с головы Конана обруч и снова надел на себя. Спустившись по лестнице, он повел его в одну из нижних пещер, приказав монахам удалиться.

Эта пещера больше походила на обычное жилище, нежели те, где Конан побывал раньше. Ни намека на роскошь, простое ложе, стол, несколько стульев, звериные шкуры на полу и стенах. Только в углу, на возвышении, сиял ограненный как алмаз черный камень, испуская из глубины

трепещущие искры. Жрец, преклонив колено, положил на него жезл и обруч. Теперь он снова стал похож на того, прежнего старика. Конан, все еще находясь во власти увиденного, в изнеможении опустился на стул. Нежные вздохи бездны до сих пор волновали его кровь, желание слышать их снова и снова не проходило. Старик посмотрел на него с понимающей улыбкой, потом принес кувшин и два кубка, наполнил, и они выпили какого-то легкого искристого вина, сразу прогнавшего наваждение. Все стало на свои места. Конан сидел и ждал, что скажет старик. А тот не торопился, внимательно глядя Конану в глаза и лишь изредка переводя взгляд на его мощные руки, спокойно лежавшие на столе.

Наконец Конан не вытерпел:

— Ты что-то хотел мне сказать? Рассвет уже близко, я сделал все, что ты хотел, и теперь мне надо уехать.

— А ты уверен, что хочешь уехать? Разве ты не почувствовал, что Шрипур-Аим зовет тебя? Разве ты не ощутил нежности и любви Сердца Земли?

Видя, что Конан в сомнении и не знает, что ответить, старик продолжал:

— Я спрашивал о тебе звезды, ты знаешь. И у тебя, как у каждого человека, есть два пути. Один путь — остаться здесь, постичь нашу мудрость и служить Сердцу Земли. Если ты останешься, в будущем тебя ждет жезл Главного Жреца. Второй путь... — Старик замолчал, испытующе глядя на Конана.

— Ну и какой же он, второй путь? Договаривай, я все хочу знать.

— Второй путь — это жизнь в скитаниях, жизнь, полная сражений и побед, которые чаще оказываются поражениями. Это погоня за призраками, не приносящая истинной радости, а лишь усталость в конце жизненного пути...

Пока старик говорил, Конан представлял себя в таком же серебристо-красном, как у жреца, одеянии, с сияющим обручем на голове... Охранять мир от Зла? Служить Сердцу Земли?.. Остаться?.. Или — вернуться в Шадизар?.. Глаза женщин сияют ярче, чем драгоценные камни, а вздохи их в ночи любви ничем не хуже вздохов колодца... Что выбрать? Конан молчал, не зная, что ответить. Старик понимающе смотрел на него — ведь и его путь был во многом похож на путь этого варвара, и он в свое время сделал свой выбор...

А Конан вспоминал постоянные дворы Шадизара, игру в кости, ночные вылазки, опасные путешествия, и все это казалось ему более желанным, чем вздохи колодца и тихое пение. Решение его окрепло. Выбор сделан. Он встал, подошел к алтарю, на котором лежал жезл, последний раз посмотрел на то, к чему так стремился Зурр-аль-Асар, повернулся к старику и сказал:

— Я выбираю второй путь. Прощай, я еду в Шадизар. В последний раз мне, к сожалению, пришлось уносить оттуда ноги, но сейчас я, пожалуй, уже могу вернуться. — Конан с улыбкой похлопал рукой по поясу, где лежали жемчужины. Правда, кошелек, сморщившийся и слипшийся от сока мисахи, был по-прежнему пуст.

Старый жрец вздохнул, грустно посмотрел на киммерийца и сказал:

— Я знаю, что у тебя спрятано в поясе. Это тоже твой выбор, но знай: в жемчужинах заключена такая сила, что они меняют местами добро и зло, юность и старость, свет и тьму. Берегись, ведь это жемчуг Подземного мира!

Он встал, подошел к Конану, положил ладони ему на плечи и, заглянув в глаза, твердым голосом произнес:

— Ну что ж, иди. Монахи тебя проводят. Твой путь — служить игрушкой для исполнения своих и чужих желаний. Будь осторожен, Конан. И прощай.

Солнце еще поднялось не очень высоко, когда Конан вышел на поляну со стреноженными лошадьми. Он с удивлением обнаружил притороченные к седлам фляги с водой и вином и

полные мешки снеди. Вскочив на коня, он почувствовал на бедре непривычную тяжесть. Это оказался новенький кошелек с золотыми монетами. Гикнув, Конан пустил коней вскачь.

Дорога разматывалась в обратную сторону. Уже много дней и ночей ехал Конан, а не встречал на пути ни селений, ни странников. Но вот однажды вечером он увидел вдали костер, и вскоре уже присоединился к торговцам, направлявшимся из Шадизара в Заминди. Из их разговоров Конан узнал, что в Шадизаре до сих пор ищут убийцу сына наместника, перетряхивая все притоны и харчевни.

Торговцы, коротая ночь, пили вино и играли в кости. Конан, соскучившись по привычным развлечениям, с радостью сел с ними играть. Ночь прошла весело, но наутро он еле проснулся. Солнце уже порядком припекало, мухи щекотали лицо. Конан сел, плохо соображая, где он. Смутно вспомнилась игра в кости, проигрыш за проигрышем: сначала кошелек, потом кони, потом кольчуга... Да, а где же караван? Кругом пусто и тихо. Лишь птицы перекликались как ни в чем не бывало да шумел ручей. Конан, фыркая, умылся, вытер лицо полой плаща и задумался. Что у него осталось? Меч, кинжал... А жемчужины?! Ага, вот они, в потайных кармашках. Целы. Ну что же, значит, Шадизар подождет. В Заминди тоже есть красивые женщины.

* * *

В Заминди время летело незаметно: то неожиданные встречи со старыми друзьями, то выгодные авантюры, то нешуточные опасности, добавившие ему, кстати, несколько новых шрамов.

Конан не раз, оказавшись на мели, готов был расстаться с жемчужинами, но подворачивалось дельце, сулящее хорошую добычу, и жемчужины так и оставались в его поясе. Изредка он доставал их и любовался мерцающим блеском, похожим на свет луны.

Наступила весна, и Конана потянуло в Шадизар. Он покинул Заминди с легким сердцем и тяжелым кошельком, прихватив заодно на постоялом дворе прекрасного да к тому же при полной сбруе коня. Теперь в Заминди будут рассказывать легенды о его похождениях и гадать, куда он скрылся.

Незаметно промелькнули несколько дней пути, и вот уже вдалеке Конан различил темные стены Шадизара. Он почувствовал, как ему все эти месяцы не хватало пестрой суеты центрального базара, веселых гулянок со старыми дружками. И что-то еще влекло его в Шадизар... Конан уже в который раз с улыбкой ощупал пояс, где лежали припрятанные жемчужины, сбереженные им во всех опасностях и приключениях.

Чуть-чуть не доеzzя до города, Конан нагнал богатый караван и в шумной тесноте повозок, вьючных лошадей и торговцев, спешащих до ночи попасть в Шадизар, благополучно миновал городские ворота.

Город, омытый весенними ливнями, утопающий в зелени цветущих садов, показался Конану ослепительно прекрасным. Даже узкие уочки, разбегавшиеся от центра к нищим окраинам, радовали прохладой и свежим ароматом цветов, перебивавшим их обычную кислую вонь.

По одной из таких уочек и ехал не спеша Конан, предвкушая сытный ужин на знакомом постоялом дворе, а может, и встречу с друзьями. Здесь, у толстого Абулетеса, все было по-прежнему. Мальчишка, которого Конан знал как облупленного, принял поводья. Из-за дверей доносились взрывы хохота и стук глиняных кружек. Конан вошел в харчевню, и ему показалось, что он только вчера ее покинул — те же лица, тот же чад подгорелого мяса, тот же Абулетес,

красный от жара и выпитого за день вина, тот же визг девок и тот же стук костей. Он пробрался между столами к жаровне, хлопнул толстяка по спине и со смехом сказал:

— Если и есть на свете что-то вечное и неизменное, так это твоя харчевня! Налей-ка усталому путнику своей кислятины да приготовь чего-нибудь, но смотри не пережарь, а не то я тебя самого изжарю!

Хозяин, узнав Конана, заулыбался, со знанием дела пощупал ткань его нового богатого плаща и засуетился вокруг вновь прибывшего:

— Глядите-ка, Конан! Да еще и с добычей! Где тебя носило, бродяга? Тут такое началось, когда ты сбежал — меня месяц трясли, думал, жив не буду! Но теперь все поутихло, мы опять веселимся, и пусть меня сожрет Нергал, если я сейчас же не выпью за твое здоровье!

И толстяк, радуясь поводу, одним махом осушил огромную кружку вина, тут же налил кружку Конана до краев и бросился к жаровне, бормоча себе под нос:

— Не пережарь, как же! Чтобы я когда-нибудь пережарил мясо?! Нахал, мальчишка! И все-таки я его люблю! Всегда он выходит сухим из воды. Надо бы еще кружечку дерябнуть за его здоровье!

Конана между тем потащили к самому большому столу, расчистили место и с почетом усадили. Дружки наперебой рассказывали, как они целый месяц дурачили стражников, посыпая их то в одно, то в другое место, где якобы появлялся Конан. Под шумок было обстряпано немало темных делишек, а постоянный двор Абулетеса прославился на весь Шадизар. Теперь в его харчевне собирался на пирушки весь городской сброд — или Веселые Братья, как они себя называли.

Наконец жаркое было готово. На этот раз Абулетес сам себя перещеголял: мясо, нежное и сочное, с румянной корочкой, посыпанное душистой зеленью, да к тому же поданное изящной девушкой с озорными глазками, вызывало двойной аппетит. Конан подвинул к себе блюдо, усадил девушку рядом и крикнул Абулетесу:

— Я вижу, кое-какие перемены у тебя все же имеются! Где ты берешь таких милашек? С ними даже твое горячее мясо покажется свежей баранинкой!

— Девочки рождаются каждый день, друг Конан, а теперь от них просто отбою нет,— с ухмылкой ответил хозяин, ставя перед киммерийцем огромный кувшин вина.—

Вот, попробуй это, только вчера доставили, такого ты еще не пил. Быка с ног валит, но тебе, я уверен, будет нипочем! — И он налил себе еще кружку.— За твое возвращение! И пока не расскажешь, где болтался, мы тебя отсюда не выпустим. Эй, Сорон, Костас! Постойте у ворот, чтобы стражники сюда не совались!

Конан с удовольствием рассказывал о своих похождениях в Заминди, о стычках со стражниками и о многих удачных проделках. Слушатели беспрестанно хватались за животы, хохоча, и осушали кружку за кружкой за его здоровье.

На дворе уже стояла ночь, и харчевня постепенно пустела. Конан, допивая последнюю кружку, шептался с девушкой. Она, откровенно к нему прижавшись, тихо смеялась, склонив голову и согласно кивая.

Конан поднялся и пошел разыскивать хозяина. Тот в уголке что-то негромко приказывал своим слугам. Вскоре они выскользнули на улицу, и Абулетес позвал Конана наверх. Там он провел его в ту же комнату, где Конан останавливался в прошлый раз, пожелал ему хорошенъко отдохнуть и, кряхтя, пошел вниз.

Факел, тускло освещавший комнату, чадил и грозил вот-вот погаснуть. Но лунный свет, падавший на пол сквозь узкое окошко, затмевал его последние дымные вздохи, и когда он наконец потух, Конан даже с облегчением вздохнул. Разуввшись и сняв с себя жесткий пояс, он подошел к окну, с жадностью вдыхая весенний воздух. Прохладный ветер шевелил ветки

цветущих деревьев, освежал разгоряченное лицо.

Конан сбросил тунику и с наслаждением подставил грудь его легким порывам. Он не обернулся, услышав скрип двери и быстрые шаги. С улыбкой глядя на луну, застрявшую среди легких облаков, он ждал, что будет дальше. Стук тяжелого кувшина и звяканье кружек заставили его улыбнуться еще шире. Потом все стихло. Конан продолжал ждать, все так же глядя в окно. За спиной послышался шорох. Конан в нетерпении обернулся. Посередине комнаты стояла обнаженная девушка, тело ее серебрилось в лунном свете. Пока Конан смотрел в окно, она успела надеть на себя его пояс с кинжалом и тяжелым кошельком. Киммериец восхищенно засмеялся, обнял ее за плечи и сказал:

— Когда я в следующий раз буду удирать отсюда, обязательно возьму тебя с собой. А теперь, плутовка, снимай его скорей — мне нужно кое-что достать из кошелька!

Девушка попыталась расстегнуть пряжки, но у нее ничего не получилось. Конан, поддерживая игру, стал ей помогать. И тут уже был забыт и кошелек, и кувшин с вином. На свете существовало только это молодое жаркое тело, затрепетавшее в его объятиях, эти губы, ищащие его губ, и легкие пушистые волосы...

Утром Конан проснулся от запаха горячих лепешек, открыл глаза и увидел свою подружку, накрывающую на стол. Она уже успела спуститься вниз и принести завтрак. Он поманил ее к себе, дотянулся до кошелька, пощарил в нем и достал пару золотых сережек с драгоценными камешками. Девушка в восхищении не сводила с них глаз, а когда Конан вдел их ей в уши, от радости запрыгала и закружилась по комнате.

Конан отпустил ее, когда день уже клонился к вечеру. Он лежал на ложе и с умилением вспоминал ее тоненькую фигурку с огромным кинжалом на поясе. Потом он уснул, не подозревая, что судьба опять все решила за него.

Дворец Деяниры — женщины, сводившей с ума чуть не половину Шадизара — находился недалеко от центрального базара, на тихой улице, где жили богатые горожане. Густые кроны деревьев и высокая стена почти полностью скрывали его от глаз прохожих. Четыре негра самого грозного вида охраняли ажурные кованые ворота

В этот утренний час Деянира, вся благоухающая после купания и душистых бальзамов, которыми служанки умастили ее тело, сидела у зеркала, любуясь собой. Юные прислужницы расчесывали ее прекрасные волосы. Вдруг занавеси раздвинулись, и в комнату вошла, ласково улыбаясь, старуха в богатых одеждах. Любую молодую женщину ее роскошный наряд сделал бы еще краше, но старухе он придавал зловеще-нелепый вид. Служанки тут же кинулись прочь, на ходу почтительно кланяясь. Старуха встала за спиной Деяниры и по-хозяйски положила руку ей на голову:

— С добрым утром, дочка. Ты куда-то собралась? Вечером у нас будет гость.

Деянира стряхнула с головы ее дряхлую, морщинистую руку и, лениво перебирая драгоценности, небрежно разбросанные на столике, сказала:

— Азимандр обещал подарить мне коня. Я хочу пойти к нему. В полдень мне выведут лучших жеребцов. Его лошади великолепны. К тому же из Вендии ему доставили новых. Я должна их посмотреть. А кого мы ждем сегодня?

— Пойдем со мной, дочка, я тебе покажу.

Старуха заковыляла к выходу. Деянира неохотно пошла следом. Несмотря на независимый и капризный тон, было видно, что он дается ей с трудом — на ее лице явственно читался страх. Не она, а старуха была хозяйкой в этом доме.

Миновав анфиладу роскошно убранных комнат, старуха остановилась у небольшой дверцы в конце узкого коридора. Открыв ее, она протолкнула Деяниру вперед, вошла сама и задвинула засов.

Деянире частенько приходилось бывать в этой комнате, но каждый раз ее охватывал ужас при виде этих толстых книг, странных сосудов и бесчисленных мешочеков с таинственным содержимым, развешанных по стенам. Старуха, довольно ухмыляясь, поглядывала на испуганную женщину и не спеша занималась своим делом. Она выдвинула на середину комнаты треножник с котлом, в котором плескалась темная жидкость, отсыпала из нескольких мешочеков по щепотке порошка, перемешала с увядшими цветами, принесенными из сада, и, что-то бормоча, бросила все это в котел. Жидкость забурлила, потом успокоилась и посветлела. Деянира склонилась над котлом. То, что она там увидела, заставило ее рассмеяться:

— Так это — мой гость?! Да ведь он же голодранец, и плащ на нем наверняка краденый. Почему я должна его ублажать? Или он тебе самой понравился? — И Деянира дерзко посмотрела старухе в глаза. Но на этом вся ее храбрость кончилась, и она, не выдержав змеиного взгляда старухи, покорно опустила ресницы.

— Не беспокойся, дочка, у него есть чем заплатить, и заплатить щедро. Его имя Конан, он смел и отважен, но, увидев тебя, он превратится в ягненка, как и все они, да, как и все...

— А как же Азимандр? Он осыпает меня дарами и рассчитывает на награду. Я думала, сегодня...

— Ну, его можно еще подогреть! Чем труднее ты ему достанешься, тем больше он заплатит. А теперь иди, тебе пора. Выбери себе коня. Иди, иди! — Старуха бесцеремонно вытолкнула ее за дверь и снова закрылась на засов.

Деянира в порыве бессильного гнева перебила кучу изящных безделушек, порвала драгоценное покрывало, разбранила прислужниц и — успокоилась. В конце концов, он был молод и хорош собой, этот Конан, и не все ли равно, кто он — вор или купец! Повеселев и думая уже только о новом коне, она приказала подавать носилки.

* * *

Когда в доме стало тихо, старуха, выйдя из потайной комнаты, подошла к зеркалу Деяниры, села и стала примерять ее уборы, жадно глядя на свое отражение. Ее глаза вспыхивали, как у кошки, лицо кривилось в радостной ухмылке:

— Наконец-то! Наконец-то исполнилось пророчество! Предсказания мага Дгирона всегда сбываются! Тогда, сто лет назад, он сказал мне, как это произойдет, как я снова смогу стать молодой! Я вырастила эту девчонку и не ошиблась — ее красота опьяняет, сводит с ума... Я видела в своем кotle, как этот варвар добыл жемчужины, я следила за каждым его шагом... Теперь пора. Конан вернулся, а с ним — и жемчужины подземного царства! Теперь они мои, и молодость снова возвратится ко мне! Смерть... Что такое смерть?! Ее можно запереть, спрятать, и она не посмеет явиться на порог еще долго, очень долго... Молодость — вот бесценный дар! Любить, быть любимой, наслаждаться, вызывать восторг — все это я снова смогу! Четыре ночи — четыре жемчужины, и зелье будет готово. Ах как жаль, что их нельзя отнять или украсть! Четыре ночи, еще так долго... — Старуха сняла с себя драгоценности и, покачивая головой, вернулась в свою комнату.

Приманивать мужчин в дом Деяниры для такой могущественной колдуны, как Кханда, было парой пустяков. Ее имя когда-то гремело по всему миру. Самые страшные чудеса не обходились без ее участия. Люди передавали из поколения в поколение легенды о ней... Сколько же лет она бродит по свету? И сколько еще будет бродить, смущая людей своим колдовством?

Здесь, в Шадизаре, она жила уже лет пятнадцать, ожидая, пока сбудется давнее предсказание и она станет молодой и прекрасной. Уже навсегда. Деянира, которую она, похитив еще ребенком, вырастила и научила всем хитростям продажной любви, должна стать жертвой ее колдовства. Нужно только, чтобы эти жемчужины, все четыре, были отданы по доброй воле... Ну что ж, варвар, ты, пожалуй, не останешься внакладе!

Жидкость в котле колдуны забурлила, и так же забурлила кровь в жилах у Конана...

Проснувшись, киммериец достал жемчужины и уже в который раз стал ими любоваться. Внезапно на него нахлынули воспоминания о Деянире. Теперь, имея чудесные жемчужины, которым цены не было, он мог купить ее любовь. Его вдруг охватило такое нетерпение, что он готов был вскочить и стремглав броситься к ее дворцу. Девчонка из харчевни была тут же забыта. Перед его внутренним взором витал дразнящий образ Деяниры. На мгновение ему даже показалось, что она здесь, в комнате, и стоит только протянуть руку, как... Конан потряс головой, прогоняя видение, спрятал жемчужины, оделся и спустился вниз. Абулетес поставил перед ним вино и блюдо с жарким. Девушка вертелась рядом, но Конан не замечал ее, погруженный в свои мысли. Без всякого аппетита он съел завтрак, выпил вино и пошел болтаться по городу.

Человек — создание нетерпеливое, и ждать чего-то ему всегда трудно, особенно если это мужчина, которому предстоит свидание с женщиной. Время становится самым коварным врагом — так изdevательски-медленно оно тянется. Солнце зависло над головой, как будто его навеки пригвоздили к небосводу. И даже люди, обычно такие суetливые, теперь еле передвигаются, беспрестанно путаясь под ногами.

Конан и сам не заметил, как вышел к базару. Здесь, среди знакомого шума и толкотни, ему стало легче. Торговцы надрывались, зазывая покупателей и стараясь перекричать уличных музыкантов, которые этой весной просто наводнили город. И кого только сюда не принесло — и плясуний, доводящих до неистовства толстых купцов, и бродячих певцов, распевающих героические песни о славных битвах могущественных царей, и факиров со своими дудками... Конан ходил от одной толпы к другой, радуясь, что хоть так может скоротать время. Он постоял возле мальчика, наигрывающего на флейте тягучую мелодию, и старика, изрыгающего изо рта огонь, потолкался около силачей, старательно тискавших друг друга на потеху толпы, и, наконец, остановился напротив шатра с танцовщицами. Здесь было больше всего народа — шадизарцы любили поглазеть на юных красавиц, громко обсуждая их прелести. Звенели бубны, мелькали пестрые одежды, глаза манили, звали, обещали... Конан вспомнил высказывание Абулете-са: «Девочки рождаются каждый день!», усмехнулся и побрел дальше. На утоптанной площадке, примыкающей к задней стене старого дома, шла оживленная игра в кости. Среди игроков Конан заметил худенького парнишку с плутоватым лицом, который с улыбкой махнул ему рукой. «Сто, и Гохард здесь. Значит, крупная игра, стоит посмотреть», — заключил Конан и подошел поближе.

Гохард, знаменитый жулик и пройдоха, непревзойденный игрок в кости, обlapошивал новичков, как хотел. А те слишком поздно понимали, с кем имеют дело. Чаще всего Гохард благополучно уносил ноги, но случались и нешуточные потасовки.

Сейчас с Гохардом играл здоровенный детина с глуповатым лицом, наверное, сынок богатого купца. Просаживать отцовские денежки на танцовщиц и проигрывать их в кости — главное занятие таких юнцов, но себе они кажутся опытными гуляками и игроками. Гохард так раззадорил парня, то намеренно проигрывая, то отыгрывая свое назад, но постепенно повышая ставки, что тот от возбуждения покрылся красными пятнами. Он то и дело дрожащими руками доставал из толстого кошелька все новые и новые монеты, пока наконец под восторженный свист приятелей Гохарда не понял, что обобран до нитки. Несколько зевак, наблюдавших за игрой, как видно, поняли в чем дело и стали с угрозами наскакивать на Гохарда.

Назревала драка. Бежать было некуда: на этот раз Гохард занимал весьма неудачную позицию — спиной к стене, да и толпа явно была настроена против него. Проигравший вцепился в его плащ, пытаясь добраться до кошелька. Стаканчик и кости полетели в сторону. Началась всеобщая свалка. Создавалось впечатление, что вся эта толпа только и ждала случая подраться: били всех подряд — кого-то, может, и за дело, а кого-то только за то, что просто попался под руку.

Конан получил увесистый удар в ухо. Ошеломленно вытаращив глаза на обидчика, который во всю глотку орал: «Вы заодно! Я сам видел, как этот ублюдок махал тебе рукой! Сейчас мы из тебя падаль сделаем!» — Конан так вломил ему, что парень кубарем покатился в пыль. Все напряжение сегодняшнего утра вложил киммериец в этот удар. И вообще давно уже он с таким удовольствием не дрался. Когда четверо дюжих мужиков навалились на него и уронили на землю, ему пришлось здорово поднапрячься, работая кулаками, зато потом, войдя в раж, он как разъяренный зверь набрасывался на противников, пинками и затрещинами разгоняя их по закоулкам. Но проигравший и его дружки тоже вошли во вкус. Краем глаза Конан заметил кинжал, сверкнувший в руке одного из них. Остальные окружали его, не скрывая намерения с ним разделаться. Гохард, как всегда, улизнул, и вся их злость обрушилась на Конана. Народ, помятый в драке, потихоньку снова собирался в кучу. Горе-бойцы потирали бока и размазывали по лицу кровь, текшую из разбитых носов. Никто не хотел пропустить самого интересного, и Конана и его противников обступили со всех сторон, обсуждая, чем кончится драка.

Разделаться с изнеженными купеческими сынками было для Конана простой забавой. Однако раздосадованный тем обстоятельством, что в этой случайной драке его новый плащ был порван, на сандалиях лопнули пряжки, а туника, вся в крови и пыли, годилась разве только для свалки, Конан решил, что и эти субчики уйдут отсюда в таком же потрепанном виде.

Для начала киммериец полоснул кинжалом по дорогому плащу проигравшего. Треск рвущейся материи и разлетевшиеся в стороны клочья меха, которым был подбит плащ, привели его в бешенство. Он кинулся на Конана, но варвар, ловкий как пантера, моментально увернулся, и вся тяжесть удара обрушилась на его приятеля. Они сцепились и покатились по земле, вопя и ругаясь, а Конан тем временем уже отбивался от двух других, с коварной улыбкой высматривая, к какой бы еще купеческой одежке ему приложиться кинжалом. Народ, уразумев, что он задумал, с хохотом давал советы, сдобренные солеными шуточками. Противники Конана вертелись вокруг него, сопя и пыхтя, но все их удары попадали в пустоту или же они лупцевали друг друга, а он, быстрый, как молния, резво наскакивал на них, чтобы пройтись кинжалом по плащу или штанам.

Тупое сидение на мягких подушках, обжорство и попойки не сделают руку твердой, тело — гибким, а глаз — точным. Одышкой, потом и дрожью в коленях приходится расплачиваться за покой и сытость. Купцы не готовили своих сыновей для суровой жизни — они учили их только считать деньги и прибыль. Однако кое-кому и эти уроки не пошли в прок — деньги уплывали от купчиков к таким мастерам своего дела, как Гохард, а ума-разума они набирались у таких бойцов, как Конан.

В толпе, окружившей дерущихся, было полно воров и мошенников, товарищей Конана по ночных вылазкам и дневному разбою. И сейчас они, свистя и улюлюкая, виртуозно срезали кошельки у богатых горожан, глазевших на драку разинув рты. За всякое удовольствие надо платить — этот принцип соблюдался здесь свято.

Нахальные мальчишки дергали задиристых молодчиков за полы плащей, превратившихся в клочья, но те уже ничего не замечали: как взбесившиеся быки они кидались на Конана, сатанея от бессильной ярости. Наконец киммериец решил, что с них хватит. Перекинув кинжал в левую руку, он правой со всего маху врезал противнику в челюсть. Верзила тут же рухнул на землю как

куль. Вскоре и остальные последовали его примеру. На земле образовалась бесформенная груда из окровавленных, истерзанных, исцарапанных тел, прикрытых жалкими лохмотьями.

Толпа ликовала. Мальчишки, деланно суетясь, помогали чуть живым забиякам подняться, не забыв позаботиться и об их кошельках. Смотреть больше было не на что. Народ потихоньку стал расходиться, Конан тоже не собирался торчать тут слишком долго и поспешил свернуть в узкую* улочку. Негромкий свист заставил его обернуться. На стене, прячась в ветках цветущего дерева, сидел, ухмыляясь, Гохард и махал ему рукой. Кругом не было ни души. Конан подошел ближе.

Гохард спрыгнул вниз и спросил:

— Давно в городе? А то я слышал, что ты теперь засел в Заминди. Городишко, конечно, хороший, но уж слишком там все благопристойно — не развернуться как следует!

— Да, это тебе не Шадизар,— согласился Конан.— Кстати, я видел, как ты его нагрел. А мне пришлось раздеть. Вот была потеха! Теперь бы мне надо где-нибудь приодеться и смыть с себя все это.— И Конан показал руки, до плеч измазанные кровью и грязью.

— Пойдем, я знаю местечко. Как раз совсем рядом. Они миновали пару тихих уочек и свернули к домику, по самую крышу спрятавшемуся под огромным каштаном. На свист вышла немолодая женщина. Гохард ей что-то шепнул, она кивнула, молча принесла огромный кувшин с водой и, подождав, пока Конан скинет с себя растерзанную тунику, стала поливать ему на спину, шею, руки. От ледяной воды Конан почувствовал себя как заново родившимся. Так же молча женщина принесла вино, сыр, лепешки и исчезла в доме.

Когда вино было выпито, новости рассказаны, Гохард предупредил Конана:

— Об этом доме забудь, сам сюда не приходи, разве только со мной. Это моя мать. Когда в Шадизаре становится слишком жарко, я снова становлюсь примерным сыном, тихо живу здесь и никуда носа не показываю.

Гохард зашел в дом и вскоре вернулся, неся в руках поношенную, но отнюдь не рваную тунику. Конан оделся, застегнул пояс и сказал:

— Спасибо, друг, выручил. Теперь пойду раздобуду себе приличную одежду.

— Если хочешь принарядиться, иди в лавку Агассия — он знает толк в нарядах и не так дерет, как остальные.— Гохард понимающе улыбнулся и махнул на прощание рукой.

Конан выскользнул из калитки, огляделся по сторонам и не спеша отправился на базар. Среди множества лавок он вскоре отыскал лавку купца Агассия и вошел, сопровождаемый почтительно кланяющимся зазывалой.

Лавки Шадизара — это поистине чудо из чудес! Описывать их можно часами, а разглядывать всевозможные удивительные вещи, которые предлагает радушный купец,— с утра до вечера.

Молодые красавицы покупали здесь дорогие ткани, украшения, благовония. Почтенные хозяйки любовались богатой посудой, ювелирной чеканки светильниками, пестрыми турецкими шалями. Шитые золотом платья и роскошные головные уборы облегчали кошельки любящих мужей, но и сами мужья не могли остаться равнодушными к плащам, отделанным мехом и искусственной вышивкой, туникам, привезенным издалека и вытканым чудесными узорами. Кинжалы в серебряных ножнах, кожаные пояса с ажурным тиснением, сандалии, легкие и прочные, казалось, так и ждали юношей, славных своей молодой силой и ловкостью. Даже беззубые старухи не уходили без покупки из лавки Агассия — любезный хозяин всегда знал, кому что нужно.

Теперь он хлопотал вокруг Конана, опытным взглядом определив, что тот собирается на свидание к женщине. От бесчисленного множества туник, плащей, головных уборов у киммерийца просто глаза разбежались. Хозяин прикладывал к Конану то одно одеяние, то другое, при этом попеременно хмурясь или восторгаясь. Невероятно, но Конану впервые в

жизни была приятна эта кутерьма, и он позволял купцу вертеть себя и так и эдак, выслушивая то поток восхищенных возгласов, то бурю сомнений.

Купец, чувствуя его неопытность, не скучился на похвалы, превознося свой товар. По его словам выходило, что ни один король в мире еще не носил такого плаща, а туника из тончайшего полотна была привезена из Немедии специально для него, Конана. А сандалии! Боги, что за сандалии! Кожа мягкая, как щеки юной девушки. Застежки сверкают драгоценными камнями. Подошвы так крепки, что в них можно обойти весь свет. А что еще хотел бы купить славный юноша? В лавке Агассия есть все. По если нет у него, значит, нет нигде!

Конан от души забавлялся тарахтением купца и хлопотами помощников, сломя голову носившихся из лавки в кладовую и обратно. Оказывается, и в самом деле нужно совсем немного, чтобы почувствовать себя королем: горсть монет, новый наряд да побольше шума вокруг своей особы.

* * *

Если Конан чувствовал себя в этот час королем, то Деянира, разумеется,— королевой.

Азимандр, единственный наследник умершего год назад богатого вельможи, уже давно добивался благосклонности Деяниры, но она, капризная и своенравная, прекрасно усвоив все уроки старой Кханды, играла с ним как кошка с мышью. Порой ему казалось, что он близок к цели — но тут Деянира вдруг надувала губки, придумывая несуществующую обиду, и для влюбленного начинался новый виток сладостных мучений. Кханда колдовала над своим котлом — Деянира то многообещающе улыбалась, то озабоченно хмурилась — и вот уже юноша готов отдать все свое богатство за один только миг обладания такой ускользающей и такой переменчивой красотой.

И сейчас Азимандр рад был пожаловать ей своего лучшего жеребца, лишь бы она подарила ему улыбку и надежду.

Кони, воистину великолепные, молодые, только что объезженные, были выведены на большую площадку возле конюшен. Для хозяина и его гостей соорудили невысокий помост, на котором стояли богато украшенные кресла. Чтобы полуденное солнце не утомляло и не слепило глаза, над помостом натянули пестротканый балдахин. Деянира и Азимандр, окруженные слугами, подававшими вино, фрукты и сладости, неторопливо обсуждали достоинства каждого жеребца.

Особенно хороши были три коня, доставленные из Вендии. Разной масти — белый, гнедой и вороной,— они и по характеру были разными. Деянире сразу понравился гнедой — игривый, капризный, как она сама, но в то же время удивительно послушный под седлом опытного наездника. Юный конюх, сидевший на нем, совсем еще безусый мальчишка, тоже был очень хорош. Деянира любовалась и конем, и всадником. Азимандр, словно почувствовав это, стал расхваливать белого жеребца, приказав остальных отвести в сторону. Надув губки, Деянира отвернулась. Но Азимандр смотрел на нее такими преданными и влюбленными глазами, так старался ей угодить, что она невольно представила, как он стоит на четвереньках рядом с Рино, ее любимой комнатной собачкой, а она, Деянира, бросает им лакомые кусочки. Картина встала перед ней так ясно, что она засмеялась. И Азимандр словно ожил, довольный, что его любимая больше не хмурится.

— Душа моя, тебе понравился гнедой? Он твой, я сейчас же прикажу отвести его к тебе.

— Мне кажется, тебе жаль с ним расставаться, ведь такие прекрасные кони встречаются реже, чем красивые женщины,— Она безмятежно смотрела на молодого конюха, улыбаясь и перебирая бусины своего ожерелья.

Азимандр, уже в который раз пойманный в ловушку, чувствовал, что лишился коня, не получив ничего взамен.

Наконец Деянира позволила себя уговорить, и коня отвели к ней в конюшню. Она покинула Азимандра, одарив его насмешливым взглядом и словами притворной благодарности. Обманутый в своих ожиданиях, обозленный неудачей, Азимандр приказал высечь молодого конюха.

Когда, вернувшись домой, Деянира показала колдуны, какого чудного коня она получила в подарок, старуха хрюплю рассмеялась, а потом сказала:

— Да, дочка, я вижу, ты и мне в хитрости не уступишь. Пользуйся, пользуйся красотой, пока молода! — Она загадочно взглянула на Деяниру и похлопала коня по холеной лоснящейся шее.

Круго повернувшись, Деянира ушла в свои покои, а старуха заковыляла на кухню, чтобы присмотреть за приготовлением блюд. В кушанья она добавила приправы и пряности, возбуждающие и поддерживающие любовное влечение, в вино подмешала одурманивающих трав из своих заветных мешочеков. Сдобренный таким образом ужин должен был разжечь настоящий пожар в душе и теле молодого варвара.

Пока старуха колдовала на кухне, служанки готовили Деяниру к ночи любви. Они наполнили большой, выложенный разноцветным мрамором бассейн прозрачной водой, источающей едва ощущимый запах цветов. Деянира возлежала в бассейне, любуясь собой и наслаждаясь бархатным прикосновением воды, мягко обволакивающей и освежающей ее тело.

После купания служанки стали умащивать ее плечи, бедра, спину благовонными мазями и растертыми цветочными лепестками. Под их нежными, но крепкими руками кровь приливалась к коже, и Деянира ощутила, как вместе с бодростью ее тело обретает удивительную легкость, почти невесомость. Прохладное прикосновение шелка приятно волновало, когда прислужницы облачили ее в платье, мягко ниспадавшее золотистыми складками. Волосы, забранные в причудливый узел, от малейшего прикосновения готовы были заструиться шелковистыми каштановыми волнами. Глаза и губы улыбались собственному отражению в зеркале — Деянира казалась себе богиней, сошедшей с небес на Землю. Служанки надевали на нее украшения, поправляли складки платья, но она их не замечала, погруженная в созерцание своей красоты, как будто гляделась в зеркало последний раз.

В это время Конан, в своем новом наряде похожий не на искателя приключений, а по меньшей мере на молодого военачальника, не спеша прогуливался по городу. Ведомый таинственной силой старой Кханды, он, улица за улицей, неминуемо приближался к дворцу Деяниры. И вот наконец киммериец остановился на знакомой площади, где полгода назад произошла роковая схватка. Теперь все было по-другому. Солнце приближалось к закату, косые тени перерезали площадь. Ворота распахнулись, словно приглашая его войти. Черные охранники стояли неподвижно, как изваяния. Конан с любопытством посмотрел на них, проходя мимо, но они даже не шелохнулись. Ворота тихо закрылись за его спиной.

По дорожке, ведущей к парадному входу, важно шел павлин. Дойдя до ступеней, он пронзительно закричал, вскочил на невысокую мраморную колонну и, свесив свой роскошный хвост и склонив набок изящную головку, уставился на незнакомца. Конан не переставал удивляться тому, что его окружало. Совсем не так он представлял, как войдет в этот дом. Вернее — совсем не представлял. Но ожидал, что это будет непросто. А тут... Тяжелая резная дверь отворилась, и две молоденькие служанки выбежали к нему, встречая его как долгожданного гостя. Конан шел за служанками, на ходу отмечая богатство отделки комнат и

переходов и их поистине царскую роскошь. Наконец они вошли в большой зал, убранный намного богаче других. Ярко освещенный факелами из душистого сандалового дерева, со стенами и потолком, покрытыми затейливой позолоченной резьбой, он был похож на волшебный ларец, внутри которого хранилось бесценное сокровище — необыкновенной красоты женщина в золотистом платье, гордо, как на троне, восседавшая в кресле с высокой спинкой. Лицо ее не выражало ни удивления, ни испуга. Глядя прямо на Конана, она встала и пошла ему навстречу. Тихая музыка, доносившаяся как будто издалека, успокаивала и завораживала. Взяв Конана за руку, Деянира подвела его к одному из кресел, села рядом и заговорила:

— Ты, наверное, удивлен, киммериец, что тебя здесь так встречают? Еще вчера и я бы удивилась, если бы мне сказали, что я буду с нетерпением ожидать у себя какого-то варвара. Но сегодня! Сегодня — это не вчера.

Она улыбнулась и хлопнула в ладоши. Тотчас вбежали прислужницы, пододвинули невысокий стол с ножками в форме крылатых существ с разинутыми пастьюами. Их рубиновые глазки удивительно живо поглядывали на Конана. Ему, как совсем недавно в лавке Агассия, было приятно, что вокруг него вертится столько слуг, что молодая прекрасная женщина, которую он собирался завоевывать деньгами или силой, сама проявляет к нему интерес.

Служанки легкой стайкой упорхнули, снова оставив их одних. На столе дымился роскошный ужин, ароматы дивных кушаний и пряных вин защекотали ноздри киммерийца. Деянира с улыбкой разлила вино в кубки, отпила глоток и снова заговорила:

— Мне с детства снятся вещие сны. Снятся довольно редко, но я их очень люблю и жду с нетерпением. Сны всегда обещают мне радость — или подарок, или новую любовь, или какое-нибудь чудо. Вот и сегодня ночью мне снился молодой великан, и в руке у него светилось что-то ослепительно белое, как маленькая луна. Я спросила: «Кто ты?», и великан ответил: «Я — Конан-киммериец. Я шел к тебе издалека. Жди меня!» Я проснулась и долго лежала, стараясь удержать сон, а когда он все-таки ушел, поняла, что сегодня меня ждет большая радость. И вот ты здесь, со мной.— Она улыбалась и глядела на Конана лучистыми глазами, выражавшими, казалось, самое искреннее восхищение.

Допив вино из тяжелого золотого кубка, Конан достал одну жемчужину, покатал ее на ладони, любуясь бликами, и протянул Деянире:

— Сон и вправду вещий,— подтвердил он.— Эта жемчужина достойна твоей красоты, и я надеюсь, что остальные три тоже станут твоими.

Он пристально смотрел на нее ярко-голубыми смеющимися глазами. Старуха сказала, он будет ягненком. Ягненком?! Впервые в жизни Деянира почувствовала силу, которой могла бы не раздумывая подчиниться. Другие мужчины, хоть и платили ей за любовь, зачастую отдавая все, что имели, но все равно оставались ее рабами, ее игрушками. А этот варвар, даже выпив все вино и попробовав все колдовские кушанья старой Кханды, останется хозяином в ее дворце.

Деянира, радуясь такому повороту, взяла жемчужину с ладони Конана, с трудом оторвав взгляд от его смеющихся глаз.

— В жизни не видела ничего прекраснее... Как она горит и переливается! И все же мне как-то не по себе...— Деянира вздрогнула, — Даже сердце сжалось...

Она поднялась и отнесла жемчужину в спальню, спрятав ее в шкатулку, лишь бы больше не видеть.

Едва только она вышла, старуха как тень выскоцила из-за полога, схватила шкатулку и, прижав ее к груди, поспешила к себе. Закрывшись на засов, она дрожащими руками открыла крышку и радостно вскрикнула:

— О Подземные Боги! Вы, породившие меня, снова явили свою милость! Это она! Это она, сияющая жемчужина Сердца Земли! Молодость моя, ты возвращаешься ко мне! Я уже чувствую, как кровь закипает в моих жилах и как крепнет тело!

Старуха, смеясь, подняла вверх руки, и небольшая комната превратилась в огромный зал, украшенный изображениями змей, драконов, черных кошек. Глаза мерзких тварей ярко горели, освещая зал. Дикая музыка, звучала то быстрее, то медленнее, в такт размахивающим рукам колдуны, казалось, могла бы заставить извиваться и каменные изваяния.

Старуха выбежала на середину зала и встала в центр круга, испещренного древними магическими знаками. Тело ее содрогалось в каком-то жутком танце, и молнии с шипением вились вокруг нее. Она кружилась без остановки и, завывая, выкрикивала в экстазе колдовские заклинания.

Молнии ударяли все чаще, оплетая ее сияющим коконом. Но вот музыка стала утихать, сияние погасло, и старуха в беспамятстве осталась лежать посреди зала, истратив в порыве радости все силы своего немощного тела.

Придя в себя, она с трудом поднялась с пола, пробормотала заклинание и снова очутилась в комнате с котлом, странными сосудами и мешочками на стенах. Взглянув еще раз на жемчужину и нежно погладив ее кончиками пальцев, колдунья подошла к зеркалу, стараясь припомнить лицо, глядевшее на нее тогда, когда она была молода. Но память не могла воскресить тот далекий образ — слишком много воды утекло с тех пор...

Кханда вздохнула, отошла от зеркала и стала готовиться к ночи любви — чужой любви. Она сбросила с себя богатый наряд и осталась во всей своей отвратительной наготе. Ее тело скорее напоминало кривой ствол дерева с потрескавшейся корой, чем тело человеческого существа. И лишь лицо, подобно маске, еще хранило черты сходства с женщиной — очень старой, но все-таки женщиной. Только сама Кханда ведала, скольких сил и стараний ей это стоило. Не превратиться в чудовище помогали ей волшебные мази, цветущие травы, кровь невинных младенцев и конечно же ее магические заклинания.

Но страсти в этом иссохшем теле бушевали нешуточные. Даже в молодости ее так не снедала жажда богатства, власти, красоты, мужчин... Золото текло к ней рекой, но чем быстрее увеличивались его запасы, тем неукротимее росло в ней желание иметь его еще больше. И еще она хотела власти. Настоящей, не призрачной. Чтобы каждый день толпы слуг и рабов ублажали ее, предупреждая каждый каприз, чтобы короли падали ниц к ее ногам, прося пощады или любви. Любви!.. Но ее, казалось бы, безграничного волшебства не хватало даже на то, чтобы хоть ненадолго, хоть на один вечер вернуть молодость. Поэтому ей приходилось красть чужую любовь.

Стены спальни Деяниры почти до самого потолка украшал лепной орнамент из пышных листвьев и смеющихся масок. Одна из этих масок, как раз напротив ложа, была потайным окном колдуны. Даже Деянира не знала об этой ее уловке и все время удивлялась, почему старуха требует, чтобы в спальне всю ночь горел светильник. Он был намертво укреплен сбоку от ложа, и колдунья из своего укрытия каждый раз наблюдала за любовными играми, получая от этого удовольствие, смешанное со злобой и ненавистью.

Вот и сейчас она, совсем как Деянира несколько часов назад, умастила свое корявое тело благовонными мазями, распустила седые космы, вплела в них драгоценности, соорудила замысловатую прическу и, накинув на себя тончайшее шелковое покрывало, расшитое цветами и

птицами, стала ждать, прислушиваясь к музыке и голосам, доносившимся из зала.

А Конан, осушая кубок за кубком, и Деянира, лакомясь засахаренными фруктами, не спешили вставать из-за стола, растягивая удовольствие первой встречи. Она требовала от Конана все новых и новых историй о его похождениях, и он без утайки рассказывал ей и о грабежах, и о погонях. Он даже признался ей в том убийстве, что случилось полгода назад, ночью, у ее ворот... Это привело Деяниру в восторг. Ей всегда хотелось, чтобы соперники сражались между собой, добиваясь ее любви. И вот уже она, своеобразная красавица, сидит на коленях у Конана, перебирает пряди его смоляных волос и лукаво спрашивает:

— А дальше? Что было дальше?

И дорога снова раскручивается перед мысленным взором киммерийца, чье воображение подогрето вином и близостью женщины. Рассказ, то и дело прерываемый поцелуями, требовал довольно много времени, но Деянира непременно хотела дослушать его до конца. Битва со змеями заставила ее крепче прижаться к груди варвара. А он вспоминал все новые подробности, наслаждаясь ее восхищением и испугом.

Окончив животрепещущее повествование, Конан, держа Деяниру на руках, встал. Она слабо махнула рукой в сторону задрапированной двери и жадно прильнула к его губам.

Плечом толкнув дверь, Конан со своей драгоценной ношей вошел в спальню. Обычно Рино, маленький рыжий страж Деяниры, с отчаянным лаем кидался на гостя, чем немало забавлял хозяйку, но сейчас он забился в угол и оттуда тихонько рычал, не решаясь иначе выразить свое недовольство.

Тяжелый пояс с кинжалом упал на пол, поверх его легким облачком опустилось золотистое платье.

Кханда, подглядывая за мужчиной и женщиной из своего тайника, готова была взвыть от зависти. Она исступленно шептала, скребя стену ногтями:

— Ты будешь моим! Еще три ночи, варвар, и ты будешь моим! Я никуда тебя не отпущу, ты будешь служить мне, только мне!

Она бесновалась до самого утра, пока утомленные любовники наконец не уснули. Тогда и колдуны рухнула на пол, уставившись в потолок невидящими глазами. Лишь руки ее судорожно подергивались, как лапы хищной птицы.

Солнце, пробиваясь сквозь щели в тяжелых шторах, светило Конану прямо в лицо, но киммериец безмятежно спал, раскинувшись на подушках роскошного ложа. Деянира уже довольно давно смотрела на него, не решаясь разбудить. Хоть она и знала, что вечером снова его увидит, ей не хотелось, чтобы он уходил. Деянира встала, чтобы открыть окно, и чуть не наступила на своего маленького Рино. Наклонившись к собачке, она вдруг расхохоталась. Конан сразу проснулся и сел, глядя на нее удивленными глазами. Деянира показала рукой на пол, и Конан, захлебываясь от смеха, снова повалился на подушки. Маленькая негодница, неустанно трудившаяся, по всей видимости, всю ночь, спала, свернувшись рыжим комочком, на том, что еще вчера было новенькими сандалиями. Изгрызенные ремешки, погнутые пряжки, подошвы, похожие на надкусенные лепешки,— вот и все, что осталось от хваленой обуви купца Агассия.

Конан схватил Рино за шиворот, слегка потряс и бросил на подушки. Песик зевнул, как видно не питая уже к гостю никакой вражды, и пополз к хозяйке.

Конан поднял остатки сандалий и сказал:

— Каналья купец! Как он расхваливал их вчера! Весь свет, говорил, обойдешь! А какая-то собачонка за одну ночь оставила от них жалкие ошметки! Ну, купец, погоди! Уж я сегодня так с тобой разделаюсь! Только вот в чем я дойду до лавки?

Смех душил киммерийца, но он старался говорить сердито.

Деянира хлопнула в ладоши, и на пороге тотчас появилась служанка. Выслушав тихие

приказания госпожи, она поклонилась и исчезла. Вскоре перед ними стоял столик с завтраком.

Конан оделся и с удовольствием прошелся босыми ногами по сказочно мягким коврам. Деянира гладила собачку и смотрела на него нежно и загадочно.

После завтрака в комнату вошла та же служанка с новыми сандалиями в руках.

Конан обулся и подошел к Деянире:

— Ты будешь ждать меня вечером? Я приду. Смотри, если я застану тебя не одну, мне снова придется подраться!

Деянира потрепала его разлохмаченные волосы, поцеловала и ничего не ответила.

Прислужницы проводили киммерийца до ворот, и он пошел к себе на постоянный двор, ломая голову, как бы скротить время.

За игрой в кости, шутками и перебранками день пролетел незаметно, и вечером Конан снова был на знакомой площади. Ворота и двери так же услужливо распахнулись перед ним, как и вчера, но теперь он шел, ничему не удивляясь и не хватаясь за кинжал в ожидании какого-нибудь подвоха.

В этот раз Деянира показалась ему еще прекраснее и желаннее. Конан и не подозревал, что она целый день металась по дворцу, как птица в клетке, и торопила солнце, не спешившее уходить с небосвода. И когда наконец она услышала легкие шаги киммерийца, вспыхнувшая радость сделала ее неотразимо прекрасной.

Как и вчера, в роскошном зале был накрыт стол, играла тихая музыка. Запах душистой смолы, капавшей с факелов, смешивался с прямыми ароматами кушаний.

Как и вчера, Конан достал чудесную жемчужину и, положив на ладонь, протянул Деянире. Обрадовавшись как ребенок, она не сводила глаз с жемчужины, любуясь ее ослепительно белым сиянием. Пока жемчужина лежала в руке Конана, Деянира не ощущала ни страха, ни тревоги. Но когда она прикоснулась к ней сама, вчерашний ужас с новой силой сжал ее сердце.

Стараясь не выдать смятения, Деянира встала и не спеша отнесла жемчужину к себе. Она знала, что Кханде нужны все четыре, но расспрашивать старуху, для чего они ей, не смела. Однако сердце подсказывало молодой женщине, что ей грозит опасность. Сейчас, когда здесь был Конан, она могла отвлечься от тревожных мыслей, но вот потом... Потом она все разузнает! Деянира тряхнула головой, отгоняя недобрые предчувствия, и вышла к Конану, с кокетливой улыбкой поправляя выбившуюся из прически прядь волос.

* * *

Но не одна Деянира в этот день металась по дворцу, не находя покоя. Старая Кханда тоже почти безвылазно просидела от рассвета до заката в своей комнате, боясь выйти наружу, чтобы от ярости и нетерпения не разнести весь дворец. И трудно сказать, чего она ждала больше — жемчужины или прихода варвара.

И вот на ее сморщенной ладони лежат уже две жемчужины, два глаза подземной твари. Ей, для которой столетия проносились как годы, а годы мелькали как дни, эти несколько часов ожидания показались такими же длинными, как сама ее жизнь. А впереди еще два дня!.. Но зато и цель близка, как никогда. Кханда захлопнула шкатулку и сбросила платье.

Сидя за столом напротив Конана, Деянира забыла обо всех своих опасениях и тревогах. Рядом с синеглазым киммерийцем, огромным, высоким и сильным, она чувствовала себя как за каменной стеной, за которой хотя бы на время можно укрыться от всего того страшного, что постоянно омрачало ее жизнь. А страшнее Кханды ничего на свете не было. С детства она привыкла думать, что Кханда — самая могущественная колдунья в мире. Старуха растила ее дерзкой и своенравной, уверенная, что только такие женщины способны бесконечно покорять мужчин. С каждым годом Деянира ненавидела старуху все больше и временами просто приходила в отчаяние, не зная, как вырваться из плена. Но вот появился этот варвар, и в ее душе затеплилась смутная надежда. Может быть, с его помощью она наконец избавится от колдуньи?

Эти мысли молниеносно промелькнули в ее голове и растаяли под лучами синих глаз. Конан уже второй раз о чем-то ее спрашивал, и она невпопад ответила:

— Ну конечно. Пойдем, я покажу тебе грот с водопадом — это мое любимое место в саду...

— Нет, милая, мы сейчас пойдем в другой грот, а водопад посмотрим утром! — Он опять, как вчера, подхватил ее на руки и понес в спальню, нежно шепча ей на ушко: — А ты подготовила для меня новые сандалии?

На следующий день Конан крепко задумался, что же ему делать дальше. Осталось всего две жемчужины, а те побрякушки, которые он привез из Заминди, годились только для уличных танцовщиц. Эта женщина, о которой он помнил целых полгода, превзошла все его самые смелые ожидания, и четыре ночи ни в коей мере не могли насытить то пламя, которое она в нем разожгла. Но долго размышлять над чем-либо Конан не привык. Он решил, что жизнь сама подскажет или, еще лучше, поможет, как уже помогала не раз.

Третья ночь оставила в его душе легкую тень беспокойства. Конану все время казалось, что за ними кто-то наблюдает. Он всем своим существом чувствовал угрозу, исходившую как будто из самих стен. Под утро он забылся тяжелым сном, и ему приснилось, что над ним склоняется Деянира, прикасаясь к нему ссохшимися, сморщенными руками. Он с отвращением отталкивал эти руки, но они пытались обнять его снова и снова. Потом Деянира куда-то исчезла, но страшные руки остались. Они гладили его плечи, обвивали шею.

Конан вцепился в тощие запястья, сжал их, пытаясь переломить их, как сухие прутья, и... проснулся.

Утро играло на стенах спальни веселыми зайчиками. В мире все было прекрасно — никаких тревог и дурных снов. За окном щебетали птицы.

Деянира спала рядом, и лицо ее было как у испуганной девочки, которая вот-вот заплачет. Конан с болью в сердце смотрел на нее, и ему хотелось сразиться со всеми в мире драконами, похитителями и колдунами и уничтожить их, чтобы только она всегда была весела и беспечна.

Деянира открыла глаза и попыталась улыбнуться. Конан ощутил то же беспокойство, которое мучило его ночью, и стал расспрашивать, что случилось, но она отвечала:

— Потом... Я тебе все скажу потом... Казалось, еще немного, и она расплачется.

На ее зов прибежала служанка и проводила Конана до ворот. Ничего не понимая, он, рассерженный, вернулся на постоянный двор, выпил добрый кувшин вина и прилег, пытаясь додуматься, что же все-таки случилось.

Разбудил его хриплый голос Абулетеса, поднимавшегося по скрипучей лестнице:

— Конан у нас теперь важная птица, но раз уж, как ты говоришь, дело спешное, то вот его комната. Если он спит, будить не советую, а то как бы он тебя не зашиб — уж больно ты хлипкий!

Дверь приоткрылась, и Абулетес просунул в щель свою хитрую рожу:

— Ну, что я говорил? Конечно спит! Как пришел рано утром, так с тех пор и дрыхнет. А солнце-то ведь давно за полдень перевалило!

Тут дверь резко распахнулась, и Абулетес пулей влетел в комнату — явно от хорошего пинка. Следом за ним не торопясь вошел мальчишка в рваном плаще и немыслимой пастушьей шапке, надвинутой на самые брови. Лицо его было все перемазано сажей. Твердым голосом, не допускавшим возражений, он приказал:

— Кувшин воды, кувшин вина. И что там у тебя на вертеле? Барашек? Быстро неси сюда! Да помалкивай!

Золотая монета мелькнула в воздухе, и лицо Абулетеса, побагровевшее было от ярости, расплылось в широкой улыбке:

— Сейчас принесу, молодой господин! Конан, бездельник, просыпайся скорей, к тебе приятный гость! — И, пятясь задом, он выскользнул из комнаты, аккуратненько прикрыв дверь.

Конан лежал на спине, подложив руки под голову, и с любопытством разглядывал незнакомца. Во всем его облике чудилось что-то очень знакомое, но Конан мог поклясться, что не встречал его ни на базаре, ни в харчевнях. Чудной парнишка! Одет в такое рванье, какое не всякий нищий на себя напялит, а держится как господин-Мальчишка между тем отошел к окну, стараясь не смотреть на Конана. Так они и молчали, пока Абулетес не притащил кувшины и блюдо с барашком. Он хотел было оставаться и поболтать — любопытство, как-никак, было его второй натурой, — но, подталкиваемый сзади крепким коленом, поспешил убраться. Мальчишка задвинул засов, взял кувшин с водой и принялся старательно смывать с лица сажу. Когда он вытерся полой плаща и скинул грязную шапку, Конан, до сих пор с интересом глядевший на все эти приготовления, так и подскочил на ложе: перед ним стояла Деянира, бледная, измученная, но от этого еще более прекрасная. Она обессиленно склонила голову ему на руки и разрыдалась. Конан гладил ее по рассыпавшимся волосам, не представляя, что сказать в утешение.

Деянира, однако, вскоре успокоилась, вытерла слезы, кое-как подобрала волосы и попросила:

— Налей мне вина. С утра маковой росинки во рту не было, умираю от голода. Сейчас поем и все тебе расскажу.

Ее глаза лихорадочно блестели, она вся дрожала, и Конан поспешил наполнить кубок.

Несколько глотков вина и кусок ароматного жареного мяса сделали свое дело: щеки Деяниры снова окрасились румянцем. Здесь, рядом с Конаном, она чувствовала себя в безопасности.

Вдвоем они быстро покончили с барашком и допили вино. Прижавшись к широкой груди киммерийца, Деянира начала свой рассказ — издалека, с самого детства. Конан узнал, что, когда она была маленькой девочкой, ее похитила колдунья, знаменитая Кханда. Это имя было ему знакомо, и он очень удивился:

— Постой, постой! Кханда, говоришь? Я еще совсем мальчишкой слышал истории про какую-то Кханду. Но ведь это было очень давно, когда жили деды наших отцов!

— Да, это она. Смерть обходит ее стороной, но со старостью ей никак не справиться. И вот

она хочет меня... меня...—

Голос ее задрожал, слезы снова потекли по щекам. Немного успокоившись, Деянира продолжала:

— Давно, еще в детстве, она в шутку научила меня одному-единственному заклинанию, с помощью которого я превращалась в бабочку. Но она сказала — с этой своей мерзкой ухмылкой, — что бабочку может склевать любая птица, и я боялась его произносить. Потом она забыла об этом, а я помнила и все думала: вдруг оно мне когда-нибудь пригодится?.. И вот сегодня...

И Деянира, вздыхая и всхлипывая, поведала Конану, что, оставшись утром одна, стараясь преодолеть страх и беспокойство, лежала и рассматривала лепной узор на стене, который уходил почти под потолок. И вдруг она обнаружила, что одной маски, той, что прямо напротив ложа, нет, а на ее месте чернеет дыра. Там, за этой стеной, находилась комната колдуньи. Деянира вскочила и на цыпочках побежала к стене. Из отверстия доносились тихое бормотание, изредка прерываемое зловещим смехом. И тут Деянира решилась на отчаянный шаг. Не долго думая, она шепотом произнесла заклинание и крошечной бабочкой порхнула к отверстию. Несколько взмахов легких крыльев — и вот она уже сидит на стене старухиной комнаты, слившись с темной тканью драпировок.

Старуха стояла у высокого стола, заваленного толстыми полуистлевшими книгами, свитками, пластинками из красной глины. На середине стола, светясь, лежали три жемчужины. Это с ними беседовала старуха, взволнованно жестикулируя.

— ...И еще — корень лиморы,— говорила она.— Вот он, здесь, совсем свежий — всего годков пять, как я его выкопала в Карпатских горах. Лишь раз в двенадцать лет он дается в руки, и я его отыскала! О Подземные Боги! Еще одна ночь — и я снова буду молода! И тогда уже старость не посмеет коснуться меня своим иссушающим ветром! Вот сердце рыжего коня... Азимандр, простофиля, ты преподнес мне хороший подарок!..— Старуха расхохоталась, и драпировки заколыхались, как будто в комнату ворвался ураган. — Не забыть бы только накопать цветущих трав да свежих кореньев, а остальное все есть. Да, есть. То есть будет! Конан прибежит сюда на закате и принесет мне тебя, четвертая жемчужина! А самое главное — всегда под рукой! Деянира, детка, насладись последней ночью своей молодости—и прощай! От тебя даже вздоха не останется! И твой варвар будет здесь, со мной... А потом... Потом весь мир снова заговорит обо мне, прекрасной Кханде!

Колдунья отошла от стола, расстелила на полу платок из цветной материи с переливающимися узорами, сомкнула руки над головой и вылетела в отверстие, открывшееся в потолке.

Когда все стихло, Деянира-бабочка, не в силах взмахнуть крыльями, переползла в свою спальню. Понимая, что дорог каждый миг, она произнесла заклинание и через потайную калитку выбежала на улицу. Тогда, в первый их вечер, Конан рассказывал ей о постоянном дворе, Абулетесе, своих друзьях, и теперь ей нетрудно было его отыскать. Купив у первого же бродяги его грязные лохмотья, она нашла укромный угол, переоделась и вымазала сажей лицо. Теперь ее не узнала бы даже Кханда, попадись она ей навстречу. Но колдунья, уверенная в победе над старостью, летела на своем волшебном платке к далеким горам, где росли колдовские травы, и Деянира поспешила в харчевню Абулетеса.

И теперь она глядела на него, свою последнюю надежду, не зная, что ждет ее завтра: жизнь? смерть? Или нечто хуже смерти?

Конан, не тряся времени на размышления, озабоченно спросил:

— Долго еще старуха будет собирать свои корешки?

Деянира, немного помолчав, ответила:

— Самые сильные травы собирают ночью или на закате. Раз она полетела днем, значит,

явится только к вечеру. А что ты задумал?

— Ты сейчас вернешься домой и сделаешь вид, как будто никуда и не уходила. А мне покажешь потайную калитку и объяснишь, где дверь в старухину комнату. И чтобы твои служанки по дому не болтались! Вечером, как обычно, я войду через ворота. Не бойся. Нет на свете всемогущих колдунов — все они люди, и любого из них можно победить. Улыбнись, и пошли скорее. Надевай свою шапку.

Они почти бегом спустились по лестнице, чуть не сбив с ног Абулете с кувшином вина, растолкали подвыпивших гуляк и быстро зашагали по кривым улочкам, ведущим к центру. Деянира еле поспевала за киммерийцем, но он не замедлял шаг. Наконец они оказались на узкой улочке, куда выходили конюшни, дворовые постройки и калитки для слуг нескольких богатых домов. Обычно здесь сновали служанки и рабы, спешащие на базар и обратно. Но сейчас, в самое жаркое время дня, здесь было тихо и пусто. Деянира открыла крохотную калитку, еле заметную в заросшей плющом стене, и они проскользнули на дорожку, обсаженную высоким кустарником. Это явно была не калитка для слуг, и дорожка вела не во двор. Они подошли к запертой двери, такой же неприметной, как калитка. Деянира достала из кармана потрепанных штанов затейливый ключ. Он тихо повернулся в скважине, и дверь неслышно открылась, пропуская их в прохладную темноту коридора.

По дороге Конан успел расспросить Деяниру, где находится комната колдуньи, и теперь он мог бы отыскать ее с закрытыми глазами: воровской опыт научил его легко находить нужные двери в любых дворцах и лабиринтах. Он осторожно подтолкнул Деяниру вперед, прошептал: «Иди к себе, и помни: ты никуда не уходила!» — и исчез. Она оглянулась, но его уже нигде не было: он растаял как дым. Прижимаясь к стенам, беглянка прокраилась к себе, быстро сбросила лохмотья и переоделась в платье из синего шелка. Потом она лениво прошлась по комнатам, нарочно придинаясь к служанкам, и велела готовить воду для купания.

Бассейн быстро наполнялся подогретой водой. Лепестки роз и жасмина грудами лежали в корзинах. Служанки испуганной стайкой летали взад и вперед, торопливо приготовляя ароматные мази, кувшины с прохладными напитками и любимые сладости госпожи. Они видели, что хозяйка не в духе. Это не сулило ничего хорошего. Деянира, которая и в обычные-то дни могла разозлиться просто так, без причины, сейчас, когда ей оставалось жить так мало — только одну ночь, готова была перебить все кувшины и горшки и в порыве гнева разорвать все покрывала и занавеси. Она велела служанкам оставить ее одну и не показываться до прихода гостя.

Когда последняя прислужница покинула купальню, Деянира сбросила платье и вошла в воду. Лежа в бассейне, слушая легкий плеск воды и вдыхая нежный аромат жасмина и роз, она пыталась представить, что сейчас делает Конан, где он прячется, что задумал. Но мысли путались, прыгали с одного на другое, ни на чем не задерживаясь. В конце концов она рассердилась, вышла из воды и, стоя перед зеркалом, сама умастила свое тело, надела светло-зеленое платье и украшения из изумрудов, подобрала волосы в изящную сетку, села в кресло и задумалась. Засахаренные фрукты смягчили горечь ее воспоминаний и бессильную ярость. Она знала, что не может убежать из этого дома: куда бы она ни выходила отсюда утром или днем, к вечеру колдовская сила неумолимо влекла ее обратно. Деянира давно поняла, что побег невозможен, но лишь теперь ей стало ясно, для чего старуха держала ее во дворце, как птицу в золотой клетке. И вот наступил конец... Или не конец? Где сейчас Конан, и кто окажется сильнее? Она представила его могучее тело, решительное лицо, твердый взгляд голубых глаз — и волнение ее улеглось. Она будет ждать его, ничем не выдавая беспокойства, и, может быть, вдвоем они одолеют колдунью...

Конан между тем неслышно пробрался по коридору к старухиной комнате. Кругом ни

души — служанки, судя по всему, сюда не заглядывают. Дверь ничем не отличалась от прочих дверей, с которыми Конану приходилось иметь дело. Разве что замок или засов могли быть заколдованы. Он подошел поближе и стал рассматривать запоры. Дверь явно была закрыта изнутри, и если тут не замешано колдовство, то такой засов — просто детская игрушка.

Колдунье, как видно, даже в голову не приходило, что у кого-то из обитателей дворца хватит смелости приблизиться к ее двери — такой ужас все испытывали, проходя мимо коридора, ведущего к ее комнате. Служанки трепетали от страха, выслушивая приказания старухи, и старались пореже попадаться ей на глаза. Поэтому запоры не заботили колдунью, и Конан без труда справился с засовом. Дверь тихонько приоткрылась, и он осторожно заглянул внутрь, держа наготове меч.

В комнате никого не было. Отвратительный запах, ударивший ему в нос, сначала ошеломил Конана, но он быстро с собой справился. Пахло прямыми травами, кровью, пылью и еще чем-то противным и затхлым, наверное тысячелетней старостью. Тусклый свет едва пробивался в маленькое оконце. У одной из стен стояло ложе, устланное драгоценными покрывалами, еще более роскошное, чем у Деяниры, у другой — огромное зеркало и столик с кокетливыми флаconчиками, расческами и шкатулкой, доверху наполненной драгоценностями, сиявшими даже в полумраке.

На него не произвели никакого впечатления ни книги, ни колдовские сосуды, ни мешочки со снадобьями — Конан торопливо искал, куда бы он мог спрятаться.

Стена, расположенная как раз напротив окна, была завешана темными драпировками, а на самом ее верху, почти под потолком, светлела дыра — та, о которой говорила Деянира. Пониже дыры была устроена площадка с резными перилами и небольшой лесенкой. Конан содрогнулся, вспомнив свой сон и представив колдунью, подглядывавшую за ними все три их ночи.

Но надо было искать укрытие, а не разглядывать комнату, и Конан заглянул за драпировки. Ого! Да тут мог спрятаться не один воин в доспехах и с полным вооружением — кто его знает, что там хранила колдунья, в этой пыльной темноте!

Конан задвинул засов и проскользнул за занавеси. Проделав кинжалом дырку на уровне глаз, он прислонился к стене и замер, готовый в любой момент наброситься на старуху.

Ждать пришлось довольно долго. Уже погасли последние косые лучи солнца и за тусклым окном почти стемнело, когда в потолке вдруг раскрылось отверстие, и колдунья, стоя на волшебном платке и сжимая в руках охапку трав и кореньев, медленно опустилась на пол. Она бросила травы на стол, повязала платок вокруг бедер и отошла в угол, где стояли одна на другой чаши с причудливыми ручками. Конан взглянул на потолок, но там не осталось и следа отверстия — темное дерево, покрытое резьбой, и ничего больше.

Глядя из своего укрытия на тощую спину старухи, Конан едва сдерживался, чтобы не выскоить и не покончить с ней одним взмахом меча. Но он вспомнил слова Деяниры: «Смерть обходит ее стороной!» — и решил подождать. Ярость, еще несколько мгновений назад бешеным огнем полыхавшая в его груди, теперь, казалось, превратилась в твердый и прозрачный кусок льда, и киммериец видел себя и старуху как бы со стороны. Он чувствовал, что способен ждать очень долго, по крайней мере до тех пор, пока не узнает всего, зачем сюда пришел.

Колдунья выбрала из груды чашу с ручками в форме двух змей, и Конан живо вспомнил колодец с удавами — так похоже эти головы изогнулись над чашей. Что сказал ему старый жрец про жемчужины? «Меняют местами добро и зло, юность и старость, свет и тьму...» Тогда Конан не придал его словам никакого значения, ибо жемчужины были его законной добычей, и ничего колдовского он в них не замечал. Что помешало ему сбыть их с рук еще в Заминди, когда купцы чуть не передрались, увидев лишь одну жемчужину из четырех? А теперь он попал в историю ничуть не лучше той, а может, и похуже. Старуха готовит свое зелье, и, похоже, ей помогают все

демоны Шрипур-Аима.

Порывы обжигающего ветра проносились по комнате, колыхали занавеси. Старуха золотым ножом резала травы и бросала их в чашу, из которой тут же вырывался столб белого огня. Огромная книга сама собой раскрылась и легла на стол справа от колдуны. Она бросала в чашу все новые и новые травы, читая заклинания из древней книги, и пламя поднималось с каждым разом все выше и выше.

Конан стоял в своем убежище, крепко сжимая меч, и вслушивался в ее бормотание, стараясь хоть что-то понять. Но старуха выкрикивала свои заклинания на каком-то неизвестном языке, и ему не удавалось разобрать ни слова.

Наконец она закрыла чашу тяжелой крышкой и поставила на треножник. Внутри сосуда что-то булькало, как будто под ним горел огонь, по комнате летали полуразмытые образы детей, молодых животных, каких-то диковинных цветов... Отвратительная вонь сменилась нежным благоуханием весеннего луга. Старуха без сил опустилась в кресло, достала из шкатулки жемчужины и, перекатывая их с ладони на ладонь, заговорила:

— Вот и все, мои милые, дело сделано! Напиток готов, и только одной вашей сестрицы не хватает, чтобы придать ему силу! Но она уже близко, очень близко! Этот безумец спешит сюда, как будто ему здесь медом намазано. Иди же, варвар, спеши, неси последнюю жемчужину! — Она взмахнула рукой, и Конан почувствовал, что еще немного — и он шагнет навстречу гибели. Собрав всю свою волю, он до боли напряг тело, не давая ему подчиниться колдовским чарам. Ногти впились в ладони, мышцы, казалось, окаменели. И волшебство отступило, не в силах сдвинуть его с места.

Колдуны сняла чашу с треножника и поставила на стол. Теперь она обращалась с ней осторожно, как с новорожденным младенцем.

— О живой огонь, огонь молодости! — благоговейно произнесла старуха. — Сегодня я растворю в тебе четыре жемчужины, и они поменяют местами старость и юность! Вот кубки, из них мы выпьем это огненное вино! Но горе мне, если хоть капля напитка прольется на землю! Подземный огонь вырвется на свободу, и тогда — конец, конец...

Нет, этого не случится! Я — Кханда, и мое колдовство всегда удается! — Она подошла к окну, за которым сгущались хмурье сумерки, — Ночь близко, и варвар наверное уже у ворот. Надо проверить, все ли в порядке. — И старуха, не переставая бормотать, проворно заковыляла к двери.

Конан выскользнул из-за тяжелых занавесей и в два прыжка очутился у дверей. Старуха не оглядываясь шла по коридору, потом свернула в сторону кухни. Из зала доносилась тихая музыка...

Немного погодя Конан уже выходил на улицу через потайную калитку, направляясь к главным воротам. Вечерняя прохлада помогла избавиться от наваждения. Так он и знал: в колдовстве старухи, как и в любом другом колдовстве, нашлось свое слабое место. Теперь главное — успеть им воспользоваться.

Но вот и ворота, и дорожка, и служанки, с приветливыми поклонами провожающие его к госпоже, и, наконец, сама Деянира, идущая ему навстречу. И ни малейшего сходства с дерзким мальчишкой, ворвавшимся сегодня в харчевню, не было в этой женщине с горделивой осанкой. Она улыбалась спокойно и светло, как в первую встречу. Конан невольно восхитился ее мужеством. Только рука ее чуть-чуть дрогнула, когда он отдал ей последнюю жемчужину. Деянира отнесла ее старухе и вернулась в зал. Служанки проворно вносили кушанья и вина, нежно наигрывали флейты и свирели..

Деянира с робкой надеждой взглянула Конану в глаза и сразу поняла, что он что-то узнал. На ее щеках вспыхнул румянец, она села за стол и попросила налить себе вина. Они сидели,

молча глядя друг на друга, потом Деянира встала и поманила его за собой. Конан приказал отнести в спальню вино и кубки. Как только дверь за служанками закрылась, она прижалась к его груди, жадно обняла и прошептала:

— Мне все равно. Пусть смотрит! Люби меня, как в последний раз, а там — будь что будет...

Вихрь страсти захватил их, и Конан уже не мог понять — первая это ночь любви или действительно последняя. Временами ему казалось, что он слышит стон колдуны, но это лишь подхлестывало его желание. Их любовь, от которой они готовы были умереть, доводила старуху до безумия. Она хотела уничтожить Деяниру прямо сейчас, не дожидаясь рассвета, и в то же время не могла оторваться от своего окошка и все смотрела, смотрела, то подывая, то от отчаяния рыча.

Теперь и Деянира расслышала старухины стенания и, содрогнувшись, замерла в объятиях Конана. Он, давно уже решив, что будет делать, схватил со столика тяжелый золотой кубок и изо всех сил запустил им в отверстие. Дикий звериный вой слился с грохотом падающего тела, а мгновение спустя яростные крики и брань подняли на ноги весь дом.

— Не бойся! Я буду рядом! — шепнул Конан окаменевшей от ужаса Деянире и, подхватив одежду, пояс и меч, тут же исчез.

Старуха, кое-как прикрывшись покрывалом, шатаясь вышла из своей комнаты и велела слугам схватить киммерийца, но того уже и след простыл.

— Сбежал! Сбежал! — завопила ведьма, — Но я тебя верну! Ты у меня посидишь на цепи, пожаришься на углях! Ищите, он не мог далеко убежать! Обшарьте весь сад!

Старуха бесновалась, кровь текла по ее разбитому лицу, глаза полыхали красным огнем. Немного успокоившись, она вошла в спальню Деяниры. Та сидела на ложе, скавшись в комочек. Смертельный страх сковал ее тело, она не могла даже пошевельнуться.

Колдунья вытерла свое лицо изумрудно-зеленым платьем Деяниры, схватила ее за руку и потащила за собой:

— Пойдем, птичка, рассвет настает. Пора выпить прощальное вино. После такой ночи и умереть не жалко, верно, детка?

Деянира безропотно шла за старухой. Слова ее долетали до нее как во сне. Она знала, что скоро умрет, но колдовская сила словно подталкивала ее в спину.

Старуха затащила ее, обнаженную, к себе в комнату, закрыла дверь на засов и упала в кресло.

— Постой немного, — прошипела она, — дай последний раз полюбоваться на тебя — потом я, только я буду смотреться в зеркало... А варвара твоего я измучу, высосу из него все соки, он у меня превратится в сущеную ящерицу! — Колдунья смотрела на Деяниру одним сверкающим глазом — на месте второго набухал огромный кровоподтек. Рассеченные губы кривились в злорадной усмешке.

* * *

Конан стоял в своем укрытии за темными занавесями, и ярость снова застыла в груди куском льда, обостряя мысли и чувства.

Старуха не спеша, словно растягивая удовольствие, по одной опускала жемчужины в чашу.

Они растворялись с легким шипением. На потолке играли блики колдовского пламени. Деянира стояла неподвижно, как мраморная статуя, не отводя взора от чаши. Наконец старуха опустила последнюю жемчужину и с торжествующим смехом разлила сияющий напиток в кубки.

Конан ждал, что будет дальше. Он готов был наброситься на старуху немедля, но чувствовал, что еще не время.

Старуха протянула Деянире кубок:

— Возьми, детка, выпей вместе со мной. Я столько для тебя сделала!.. Настала пора благодарности. Выпей, это просто вино, обыкновенное вино!

Деянира взяла кубок, но продолжала стоять все так же неподвижно, не находя в себе мужества поднести его к губам. Но вот рука ее дрогнула и начала медленно подниматься. Старуха молча смотрела на нее, силой своего взгляда заставляя повиноваться.

Конан неслышно откинул занавеси, легко, как кошка, прыгнул вперед. Колдунья ничего не видела и не замечала вокруг, кроме кубка в руке Деяниры. Но что это?! Кубок Деяниры сжимает уже другая рука, а ей в горло упирается острие меча. Она впервые в жизни почувствовала ужас. Смерть смотрела на нее холодными голубыми глазами, переливалась жемчужным сиянием в золотом кубке.

Из горла старухи вырвался хрип, она попыталась что-то произнести, хотела взмахнуть свободной рукой — но Конан выплеснул напиток ей в лицо. Руки колдуньи разжались, и кубок упал на пол. С легким треском зазмеились белые молнии, причудливым кустом вырастая из пролитого вина. Куст мгновенно разросся от пола до потолка, грозя заполнить всю комнату. Конан подхватил Деяниру, лишившуюся сознания, плечом высадил дверь и бегом помчался прочь из дворца.

Отбежав довольно далеко, он оглянулся, ожидая увидеть за своей спиной необъятное полыхающее зарево. Но по небу по-прежнему плыли редкие тусклые облака, предвещая близкий восход, а в зарослях орешника трещали цикады.

Киммериец завернул бесчувственную женщину в плащ и бережно отнес к себе на постоянный двор, где она вскоре очнулась. Привстав на ложе и увидев рядом Конана, бедняжка разрыдалась. Так, всхлипывая, она в конце концов и уснула.

Пока Деянира спала, Конан решил сходить в лавку и купить ей новое платье, а на обратном пути заглянуть во дворец — проверить, что стало с колдуньей.

Солнце уже клонилось к закату, когда он остановился перед знакомыми воротами. На этот раз его никто не встречал. Двери были открыты, кругом стояла мертвая тишина. Негры, служанки, повара, конюшие — все бесследно исчезли. Конан беспрепятственно добрался до злополучного коридора и, спрятившись за угол, осторожно выглянул.

Дверь, сорванная с петель, валялась на полу. Сжимая меч, он тихо вошел в комнату. Похоже, подземный огонь неплохо здесь поработал, уничтожив все, что ему принадлежало. Голые стены, обугленная дыра в потолке. Ни книг, ни сосудов, ни колдовских снарядов. Только кучка зловонного пепла на полу. «Так. Надо нанять новых слуг, привести все это в порядок — и можно жить дальше,— обведя взглядом комнату подумал Конан и внезапно замер, прислушиваясь: — Клянусь Кромом, там кто-то плачет!»

Он выскочил из комнаты колдуньи и побежал в спальню Деяниры, откуда доносились жалобные звуки.

Там, на смятых подушках, лежал маленький Рино и скулил: бедолага потерял хозяйку и, видимо, решил умереть от горя, зарывшись в ее подушки.

Конан подхватил собачонку на руки и, спрятав ее за пазуху, поспешил вернуться к Деянире.

Уже ночью, лежа рядом с Конаном, успокоенная и счастливая, Деянира вдруг приподнялась на локте и долгим, внимательным взглядом посмотрела ему в глаза.

— О чем ты думаешь? — спросил Конан. — Все кончилось. Ты свободна, я рядом...

— Да, мой милый, как хорошо, что ты рядом! Я хочу быть с тобой долго, очень, очень долго... — Девушка вздохнула мечтательно, и губы ее изогнулись в ласковой улыбке. — Да, долго... Может быть, целый месяц!